

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ЗА ЧТО ТАК ЖЕСТОКО? РАЗ, ДВА, ТРИ...

В Ы С Ш А Я

РАЗ, ДВА, ТРИ...

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ДЕТКИ ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ

ТАЙНА ПАЦИЕНТА

ТАЙНА, РАДИ КОТОРОЙ ПРИДЕТСЯ УБИТЬ.
ИЛИ БЫТЬ УБИТЫМИ.

18+

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Высшая лига детектива

Лорет Энн Уайт
Тайна пациента

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Уайт Л.

Тайна пациента / Л. Уайт — «Эксмо», 2022 — (Высшая лига детектива)

ISBN 978-5-04-173799-3

Лили — уважаемый психотерапевт, жена и мать. Ее жизнь кажется образцовой. Но она как никто другой знает — у каждого есть неприглядные секреты. Стоит лишь послушать ее пациентов... Когда в город приезжает раскованная Арвен и ее шестнадцатилетний сын, секреты местных жителей в одночасье оказываются под угрозой. Потому что Арвен знает своих новых соседей гораздо лучше, чем они предполагают. И тут случается убийство. Все к этому шло. Подозреваемых несколько, а Лили — в эпицентре событий. Она знает много, слишком много. И скрывает не меньше. «Выдающийся психологический триллер». — Publishers Weekly

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-173799-3

© Уайт Л., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	6
Как все закончилось	7
Лили	10
Мэттью	17
Лили	20
Ру	24
Лили	28
Том	32
Ру	35
Лили	37
Лили	40
Как все началось	44
Лили	47
Лили	49
Ру	51
Арвен	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лорет Энн Уайт

Тайна пациента

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
„Эксмо“», 2022

Предисловие

Вдохновением для этой вымышленной истории послужило реальное преступление, ужасное и шокирующее, совершенное в тихом районе Канадских прерий. События того дня вошли в криминальную историю Канады и подробно освещались в СМИ, как и последующие судебные разбирательства. И хотя предыстория романа базируется на некоторых истинных деталях этого преступления, все остальное – вымышлено.

Как все закончилось

Лучше не противиться переменам, что приносит карта таро «Смерть». Сопротивление сделает трансформацию сложной. И болезненной. Вместо этого следует отпустить, принять необходимые перемены, увидеть в них новое начало. Карта «Смерть» означает, что пора провести под прошлым черту и двигаться вперед. Она говорит: отпусти то, что больше тебе не служит.

Комментарий художника.

Смерть. 36×48. Холст, масло

В лесу темнее, чем она ожидала. Старые деревья качаются и гнутся на ветру. Дождь волнами падает на лесной полог. Скальная тропа – узкая и скользкая от грязи. По дороге стелется туман, отражая слабый луч налобного фонаря.

Она бежит все глубже в лес, и в животе поднимается страх. Нужно было отыскать телефон, прежде чем уходить из студии. Не следовало идти так поздно. Но ее тянули в ночь, в когти летней грозы, голоса, снова зазвучавшие в голове. Ей было отчаянно нужно от них сбежать. С другой стороны, она знает – ей не убежать от них никогда. Не сейчас. Там, снаружи, нет никакого монстра. Это не кто-то другой. Монстр у нее в голове. Это она сама.

Я... ударила... на мне кровь... не могла ударить еще... слишком мал, чтобы умирать... умолял... не убивать... услышала бульканье... останавливаться было уже нельзя. Нужно было закончить.

В груди поднимается немой крик. Звук оживает. Пронзает уши. Глаза жгут слезы. Она отталкивается сильнее, быстрее, отчаянно желая скрыться. Дыхание сбивается. В груди тяжелеет. Футболка под водонепроницаемой курткой мокнет от пота.

Мозг прорезает картина – зияющие раны. Стамеска в глазнице. Кровь... Столько крови. Она разбрызгана по стенам, потолку, абажурам, телевизору, велотренажеру. Ковер в коридоре стал мокрым и липким. Она снова чувствует этот запах. Жаркий. Мясной.

Мне жаль. Мне ужасно, ужасно жаль... Я была другим человеком. Я даже не узнаю этого человека. Это было не по-настоящему, это была не я.

Она видит отблеск лезвия. Слышит крики. Начинает бежать еще быстрее.

Я убила... Убила... Убила. Я не хотела...

Над листвой сверкает молния, гремит гром. Она испуганно спотыкается и едва не падает. Ошарашенно останавливается, наклоняется вперед и кладет руки на бедра. Большими глотками втягивает воздух. Сердце колотится о грудную клетку. В свете налобного фонаря ее выдохи напоминают призрачные облака пара. Снова гремит гром, раскатываясь по океану. Она не видит моря, но его чувствует – зияющая, пустая чернота под скалами за деревьями справа. А теперь, замерев, она слышит за стуком дождя, как волны с грохотом перекачивают гальку у подножия скал из крошащегося песчаника.

Все пошло так неправильно.

У нее был план, но он обернулся против нее самой. Теперь она не знает, что делать и как вообще жить. И в чем цель ее существования.

Что-то движется среди деревьев. Она напрягается, всматривается в лесные тени справа. Когда она начинает двигаться, луч фонаря подрагивает в тумане, и тени мечутся и прыгают. Она сглатывает и пристально вглядывается в темноту среди стволов и папоротников.

Снова сверкает молния. Почти мгновенно следует удар грома. Гроза прямо над ее головой. Дождь барабанит все сильнее, и ветер шумит в верхушках, словно стремительная река. Боковым зрением она замечает среди деревьев силуэт в капюшоне. Потом он исчезает.

Пульс ускоряется. Во рту пересыхает. В животе поднимается паника.

Нужно выбираться из леса. Она бросает взгляд обратно на тропу. Возвращаться дольше, чем идти вперед. Если поднажать, через несколько минут она выберется на открытые утесы, поросшие травой. Чаща останется позади. Дальше будет парковка, а за ней – улица с фонарями. Там светлее. Безопаснее. Она сможет добежать домой по дорогам, под фонарями.

Она снова начинает бежать. Сверкает молния. Она движется быстрее, спотыкаясь о корни, поскользываясь в грязи. Шишки и маленькие веточки отрываются от деревьев и падают вниз. Одна шишка пролетает прямо рядом с ее головой. Она пригибается. Из-за резкого движения тени прыгают и мечутся. Она опять останавливается. Тяжело дыша, оборачивается и снова видит среди деревьев человека в капюшоне. Его лицо во тьме – словно под маской. Туман густеет, и он исчезает. Когтистая лапа страха сжимает ей горло.

Она бежит еще быстрее, ноги толкают ее вперед, кроссовки скользят. Она спотыкается. Но удерживается на ногах, взмахнув руками, и пытается бежать еще быстрее.

Еще одна вспышка молнии. На мгновение тропа впереди ярко освещается. Она снова видит силуэт в капюшоне. Теперь у него в руке фонарь, и еще один ярко светится на лбу. Безликий циклоп. Ее тело замирает. Мозг парализован. Она не может ни дышать, ни двигаться. Он подходит к ней, ближе, ближе. Свет ее фонаря падает на отражающие полосы на его штанах и куртке. Они сверкают, как серебряные лезвия, как костюм скелета на Хеллоуин.

Я... ударила ножом... на мне... кровь. У нее нет телефона. Нет оружия.

Внезапно он бросается к ней. Она ныряет с тропы в густые заросли под деревьями. Продирается сквозь кусты ежевики, спотыкаясь и падая на палки, камни и корни, размахивает руками, пока ветки бьют ей в лицо.

Он следует за ней в кусты, и два луча его фонарей создают во мгле яркие тоннели, освещая стволы и листья, и серебра капли дождя. Снова гремит гром. Она всхлипывает. Слезы жгут глаза. Очередная ветка отскакивает и рассекает ей щеку. Дождь – или кровь – течет по лицу. Она его слышит. Он идет. Словно большое животное продирается сквозь кусты, все ближе и ближе. Она слышит его дыхание. Снова падает, ползет на четвереньках по грязи, рана ладони о шипы и ветки.

С очередным всхлипом она залезает под низкую ветку. Выключает налобный фонарик и пытается сидеть тихо. Но лучи света приближаются. Она видит, как они освещают землю. Он почти над ней, и это невыносимо.

Она с криком вырывается из убежища и бросается вперед, как раненый олень. Внезапно деревья заканчиваются, и впереди лишь черная пустота. Она достигла края леса. Обрыв. Океан. Она оборачивается и сталкивается с ним. Она в ловушке.

– Что... Что тебе нужно?

Он поднимает руку с фонариком, словно оружие. Он что-то говорит, но у нее в голове раздается лишь оглушительный рев. Он тянется к ней и хватается за руку.

Она кричит, бьется и вырывается из его хватки. Теперь она прямо на краю. Она тяжело дышит. Он пригибается к земле и покачивается, прицеливаясь, готовый прыгнуть и не дать ей уйти. Она чувствует под ногами голые камни. Она на самом краю скалы.

Он что-то кричит, но его слова заглушают рев ветра в деревьях и шум волн под скалами. Он снова тянется к ней, она с криком царапает его лицо и шею. Пальцы цепляются за ткань, кепка и капюшон слетают прочь. Очередная вспышка молнии освещает его лицо.

Она цепенеет.

Ты?

Но за секундный шок приходится заплатить. Рука противника поднимается высоко в воздух, и он с силой бьет ее фонариком по виску. Она пошатывается, на мгновение ослепнув, чувствует, как он толкает ее в грудь, и земля уходит из-под ног.

Она опрокидывается назад, в пустоту. Раскинув руки, понимает, что падает со скалы. Из груди вырывается крик, пока она, переворачиваясь, летит вниз под проливным дождем и неистовым ветром. Пульсирует молния. Раскат грома поглощает ее крики.

Плечо ударяется об камень. Она отскакивает. Голова стучается о другой камень, ниже. Тело кубарем катится в пустоту, и еще ниже она стучится ребрами и лицом об уступ. Чувствует, как трескается шея, ломается спина. Когда она бьется головой об очередной зазубренный камень на пути к галечному пляжу далеко внизу, мир милосердно отключается.

Голоса – наконец – смолкают.

Лили

Сейчас

20 июня, понедельник

ЗАМЕТКИ В КАРТЕ: ТАРРИН

Пациент, 15, пришла после ареста за воровство в магазине. Уверяет, что ей не нужно лечение, она «не сумасшедшая», но родители заставили ее посетить «несколько сеансов», чтобы выполнить требования суда.

Утро выдалось сумрачное, с тяжелыми облаками. Дует ветер, и дождь струится по окнам домашнего офиса доктора Лили Брэдли. Гроза, прервавшая вчера барбекю с соседями, никак не успокаивается. Лили боится, что древний тополь, растущий над сараем в углу их двора, сломается из-за порывов ветра и упадет на дом. А именно на чердак, где находится комната ее восьмилетнего сына. Сейчас она старается об этом не думать. Как и о том, почему ее муж, Том, ушел на пробежку в 5:30 утра. Во мраке шторма.

Она старается не думать об ужасающем вчерашнем скандале. Ни она, ни Том пока не смогли полностью осознать произошедшее и то, как оно изменит их жизни. Лили просто пытается сосредоточиться на работе с клиентами. Она понимает: это своего рода отрицание. Но рутина – тоже ее метод выживания. «Нагромождение» привычек для строительства идеальной жизни дает Лили контроль над миром. Ей *нужна* рутина. Ей нужно чувствовать контроль.

Пробежки Тома в грозовой тьме *не* относятся к рутине семьи Брэдли. Лили увидела, что его нет, рано утром, когда прогреготал гром и сверкнула молния, заставив ее резко сесть в постели. Во вспышке света она увидела отброшенное одеяло с его стороны. Матрас был холодным. Она спустилась вниз и обнаружила на столешнице записку.

Ушел на пробежку, проветрить голову.

Она пытается сосредоточиться на работе, на пациентке, Таррин Уингейт, которая сидит перед ней на серо-желтом диване. Стул Лили сделан из дерева и мягкой, податливой кожи. Эргономичный дизайн. Стоил целое состояние. Но она сидит на этом стуле минимум восемь часов в день на консультациях с клиентами, и ей должно быть удобно. На ней свободные льняные брюки и кремовый свитер. Простые жемчужные бусы. Золотистые волосы собраны на затылке в мягкий пучок. Несколько прядей висят свободно. Женственно, но аккуратно. Профессионально. Утонченно. Но дружелюбно. Внешний вид – тоже часть ее рутины, ее самовыражения, и он должен вызывать уверенность и, прежде всего, доверие.

Доверие – ключ психотерапии.

Ее кабинет обставлен похожим образом. Изысканно, но комфортно. Безопасное, спасительное место. Как и само название ее практики, «Оак Три Терапи¹», – в честь дуба, цельного, но растущего организма, способного выдержать давление времени, с глубокими корнями.

Но сегодня она совершенно не чувствует себя в безопасности.

Ее корни обнажились. Внутренности не защищены. Она в ужасе – вся их жизнь, все, над чем она столь усердно работала, вот-вот разрушится на куски.

У нее на коленях лежит блокнот. Сверху страницы она написала: *Таррин, 7:30 утра.*

¹ Оак Три (Oak Tree) – дуб (англ.) (прим. переводчика).

– Спасибо, что пришла так рано, Таррин, – говорит она.

– Для меня это не рано, – отвечает пятнадцатилетняя девочка. – В прошлый раз я рассказывала вам, что обычно хожу в бассейн к половине шестого утра, чтобы успеть потренироваться перед школой.

Таррин не пользуется косметикой. На ней дорогие брендовые джинсы и толстовка. Каштановые волосы до плеч собраны в небрежный хвост. Спортивная фигура. Ясные глаза. В ней еще чувствуется враждебность. Она пока не доверяет Лили.

Лили выдавливает легкую улыбку и ничего не отвечает. Она ждет, когда юная пациентка проявит инициативу. Она может многое сказать о человеке по паузам в словах. И по языку тела.

Таррин, смущенная молчанием Лили, ерзает на диване.

– Так сколько еще раз мне нужно прийти? Я уже рассказала вам, что украла тот розовый свитер и меня забрали в полицию. И я сказала владельцу магазина, что мне жаль.

– А тебе жаль, Таррин?

Снаружи грохочет гром. Дождь снова бьется в окна. Мысли Лили возвращаются к ссоре. *Почему он еще не вернулся?* Она старается не смотреть в окно, на тополь, опасно клонящийся на ветру. Прошлым летом она попросила Тома его срубить. Он настоял, что нужно дождаться, пока подрастут детеныши енотов, гнездящихся на дереве. Теперь все еноты выросли, но по-прежнему живут на дереве.

– Разве это важно?

– Если на самом деле тебе не жаль, зачем ты сказала это владельцу магазина?

– Мне пришлось. В рамках программы суда.

Лили кивает. Ждет.

Таррин опускает взгляд, трогает пальцем дырку в дизайнерски порезанных фирменных джинсах.

– Я не сумасшедшая, – говорит она. – Я просто не знаю, как все должно проходить. И насколько долго.

– А еще ты сказала, у тебя были деньги, Таррин, и при желании ты могла купить свитер. Но не объяснила, почему вместо этого решила украсть.

Таррин медленно поднимает взгляд.

– Что, если я не хочу об этом говорить?

– Ну, дело твое. Мы можем говорить о чем угодно. Это твое время, твое место. Безопасное время, Таррин. Личное. Как я уже говорила, все сказанное в этой комнате остается в этой комнате. Конфиденциальность клиентов – основа основ, а значит, ты сама выбираешь, как строить со мной отношения. И повторяю, как я уже говорила на первом сеансе, если ты столкнешься со мной вне кабинета, узнавать меня или нет – исключительно твое дело, я пойму намек.

У Таррин на лице появляется хитрая улыбка.

– Как вы недавно проигнорировали меня в бассейне, сделав вид, будто мы незнакомы, когда привели сына на урок плавания?

– Ты решила дать именно такой намек, поэтому да. Некоторые мои клиенты не хотят, чтобы кто-то знал об их терапии. Другие совершенно не против.

– Значит, вы действительно ничего не расскажете моей матери?

– Как я сказала, это твое время.

– Даже если она платит?

– Не важно, кто платит.

Лили помечает в блокноте: *Мать? Проблемы с контролем?*

– Но вы записываете мои слова.

– Это просто мои личные рабочие заметки. Если тебя это напрягает, я не буду.

Она рассматривает Лили. С подозрением. Снова гремит гром. Том уже должен был вернуться.

– Я не хочу, чтобы вы записывали.

– Хорошо, – Лили откладывает блокнот и ручку на маленький столик рядом со стулом. – Вернемся к вопросу, зачем ты решила украсть розовый свитер, хотя у тебя были деньги на его покупку?

Говоря, она осторожно смотрит на пациентку. Психолог – словно детектив, который ищет улики, пытаясь разгадать загадку, найти причины «предъявляемой проблемы», в данном случае – кражи из магазина. Предъявляемая проблема – то, что приводит человека к психологу, потому что он достиг критической точки. Но если предъявляемая проблема может быть очевидной, ее причины нередко скрыты даже от самого пациента, погребены глубоко в подсознании. Задача Лили – извлечь скрытые факторы из бессознательного и сделать их осознанными, после чего их можно будет изучить и с ними разобраться.

Таррин ерзает на диване.

– Да, бедной меня не назовешь. Родители зарабатывают кучу денег. Тонны. У отца с партнером юридическая фирма, у них офисы в нескольких городах. Они, так сказать, ведущая фирма по криминальным делам. А моя мать – член городского совета, и плюс у нее фирма по недвижимости, основанная моим дедом. Так что да, мы богатые. В следующем году мать планирует баллотироваться в мэры.

Разумеется, Лили об этом известно.

Семейство Брэдли живет на острове Ванкувер, в богатом прибрежном городке неподалеку от Виктории – от США их отделяет только пролив Хуан-де-Фука. Но все же это очень тесное сообщество. Все всё про всех знают. Все связаны тем или иным образом. Это тонкая черта для психолога. Мать Таррин – член городского совета Вирджиния Уингейт – строит свою программу на сохранении закона, порядка и чистоты в Стори-Коув. Отец Таррин, Стерлинг Уингейт, один из основателей фирмы «Хаммерсмит, Уингейт и Клайстер». А Диана Клайстер – одна из ближайших подруг Лили. Поэтому Лили прекрасно знает, сколько зарабатывает папаша Уингейт и что он за человек. А еще она знает, что родители Таррин разводятся.

Лили ждет. Гремит гром.

Таррин прочищает горло.

– Я... Просто хотела проверить, действительно ли они смотрят в камеры наблюдения, понимаете? Моя школьная подруга сказала, что постоянно таскает вещи, и... – она умолкает.

– И?

– Мою подругу поймали.

– И ты захотела, чтобы поймали и тебя?

– Это глупо.

– Значит, ты *не хотела* попасться?

– Разумеется, нет.

– Значит, ты хотела испытать систему? Проверить, не станешь ли особенной? Той, кто *смог* сбежать?

– Вы все передергиваете. Слушайте... Думаю, у нас ничего не выйдет. Я вернула тот чертов свитер, ясно? Он мне даже не нравился. И я *сказала* владельцу, что мне жаль, как мне велели.

Она встает и тянется за рюкзаком.

– Что случилось с твоей подругой, когда ее поймали, Таррин?

Девочка медлит.

– Управляющий не отпускал ее, пока не приехала полиция. А потом ее арестовали. Поднялась шумиха – ей пришлось ходить на групповые встречи, делать общественную работу. И из-за этого ей пришлось прервать уроки танцев, – пауза. Во взгляде девочки проскакивает

чувство вины, – у родителей Стейси нет такой власти, как у моих. Ее папа работает в супермаркете, а мама просто сидит дома. Она всегда ходила к Стейси на репетиции и все такое. И *поэтому* Стейси небогата – ее родители не тратят время с пользой, – Таррин закидывает рюкзак за плечо и направляется к вешалке возле двери. Она снимает с крючка куртку.

– Как ты сюда добралась, Таррин?

Она на мгновение замирает, а потом поворачивается к Лили.

– А при чем здесь это?

– Раз ты уходишь раньше, хочу узнать, сможет ли кто-нибудь тебя забрать.

Девочка пристально смотрит на Лили. С враждебностью. Но эта враждебность – порождение страха. Это ранимый ребенок. Она вызывает о помощи. О любви и внимании родителей.

– Здесь безопасно, Таррин, – мягко напоминает Лили. – Ты должна понять. Я просто пытаюсь узнать тебя немного получше, но нам необязательно говорить о свитере. Можем обсуждать все, что захочешь. И ты действительно можешь в любой момент уйти.

Таррин глубоко вздыхает и отводит взгляд. Лили замечает в детских глазах слезы.

– Моя мама, – наконец говорит она. – Она припарковалась там, на улице. Она... тратит рабочее время, чтобы возить меня на терапию.

Лили кивает.

– Ты бы хотела, чтобы твоя мама больше походила на маму Стейси?

– В смысле, была бедной?

– В смысле, чтобы твоя мама возила тебя каждое утро на плавание, как мама Стейси ходит со Стейси на все репетиции?

Таррин мрачно смотрит на Лили.

– Как ты обычно добираться до бассейна?

– Папа заводит меня по пути на работу.

– Он ждет, пока ты закончишь, и отвозит тебя в школу?

– Нет. Потом я еду в школу на автобусе. Папе нужно работать.

– Твой отец едет на работу в пять тридцать утра?

Она разрывает зрительный контакт и опускает взгляд на ботинки.

– Если не уделять время работе, ничего не добьешься.

– Так говорит твой отец?

– Это все знают.

– Поэтому ранние тренировки? Ты должна уделять время работе до школы?

– Я подавала надежды для олимпиады. Так говорил мой тренер. *Поэтому* я тренировалась каждое утро, пять дней в неделю. Поэтому проводила каждые выходные на сборах и соревнованиях.

– Ты сказала, ты *подавала* надежды для олимпиады. Что изменилось?

Таррин медленно возвращается к дивану. Опустошенно опускается на край подушки, все еще сжимая куртку и рюкзак.

– Я не смогла пройти соревнования из-за исправительной программы. Иначе я бы получила судимость. Кроме того, – ее лицо внезапно каменеет, а глаза сужаются, – у тренера все равно новая протеза. Моложе и красивее.

– Разве от красоты зависят шансы на олимпиаде?

Таррин резко переводит взгляд на Лили. У нее дрожат губы, и она не отвечает. Лили вспоминает мужчину, которого видела с Таррин и командой по плаванию в бассейне, когда возила Мэттью на урок. Огромный мачо с песочными волосами. Лили несколько раз видела его у бассейна и на тренировке в спортзале. У такого на девушек глаз наметан.

Она мысленно отмечает, что нужно вернуться к «тренеру».

– Что ты чувствуешь из-за того, что больше не подаешь надежды на олимпиаду?

– Ой. Как вы думаете? – она на миг умолкает. – Мама... Она считает, я украла специально, чтобы меня арестовали.

Лили слышит стук садовой калитки. *Том. Вернулся.* Внутри все напрягается. Она заставляет себя сосредоточиться на Таррин.

– Как это?

– Я перфекционист, и мама считает, я от себя слишком много требую – она думает, я боялась неудачного выступления на соревнованиях и сама создала себе повод не ехать.

– Думаешь, она права?

Она выдвигает вперед челюсть и краснеет.

– Полный бред! Зачем мне так поступать? Папа мне верит, что я не специально. Я хочу уехать и жить с ним, но мама не хочет, чтобы я видела его «образ жизни». Он завел любовницу, и она его вышвырнула. Но я его не виню, моя мать – настоящая сучка.

– Твои родители разведены? – Лили хочет услышать, как об этом рассуждает Таррин.

– Скоро будут. Они разошлись. Мама говорит, я должна воспринимать исправительную программу суда как «возможность», – Таррин изображает пальцами кавычки, – чтобы наконец «закончить эту историю с плаванием» и сосредоточиться на учебе. Так она называет мою мечту об олимпиаде: «история». Но на самом деле перфекционистка – она. Постоянно пытается быть «идеальной» в этом «идеальном» городе. Она была так занята собственной идеальностью, что муж бросил ее ради другой – более идеальной – женщины.

– А ты с ней знакома?

Она сглатывает, молча опускает взгляд на ковер. И наконец говорит:

– Это мать засунула меня в ту дурацкую католическую школу. Очевидно, школа, в которую ходят *ваши* сын и дочь, недостаточно для меня хороша.

При упоминании дочери Лили снова напрягается. Она понимает, что Таррин сбивает ее с толку, пытаясь сменить тему. Ей вспоминается ужасный скандал из-за девочек на вчерашнем барбекю.

Сосредоточься.

Боковым зрением она замечает, что в сарае загорелся свет. Лили бросает быстрый взгляд, видит, как там движется силуэт Тома. С изумлением понимает, что на нем нет футболки. В его движениях – странная торопливость.

Пытаясь излучать спокойствие, Лили говорит:

– Гм... ты сказала, твой отец воспринимает все иначе, чем мать?

Свет в сарае гаснет.

Лили слышит, как хлопает задняя дверь – ее офис пристроен к дому. Это старое здание. Она слышит, как Том поднимается по деревянным ступенькам. Он движется быстро. Непривычно. Напряжение усиливается. Она бросает взгляд на часы на стене. Сеанс с Таррин почти закончен.

– Папа меня понимает. Он знает, каково это, иметь мечту и двигаться к ней. Он – единственный в мире человек, который меня любит.

– Единственный человек во всем мире?

Она потирает колено.

– И тренер.

– Значит... Твой тренер – один из двух людей в этом мире, которые тебя любят?

– Ну, не прямо *любит*. Скорее... Ему было не все равно.

– Было? Значит, теперь все изменилось?

Таррин щурит глаза.

– Я не прошла соревнования, верно? Теперь... он занят. Сосредоточен на тех, кто готовится к национальному этапу. Но это он всегда ездил со мной по выходным на загородные

сборы. Других детей возили родители, ночевали с ними в мотелях и все такое. Мои же не могли провести все выходные вдали от работы.

Лили слышит вдалеке завывания сирены. Туман снаружи густеет, и все еще идет ливень. Видимо, на дороге что-то случилось.

– Мои родители не похожи на других. Другие матери пекут сладости для благотворительных ярмарок, но моя... Выписывает чек, вроде того. У нее нет времени на такое дерьмо.

Сирена раздается все громче – заунывный вой сквозь ветер и дождь. Лили терпеть не может сирены. Они пробуждают темные воспоминания. Воскрешают ужасные времена из детства, когда она потеряла родителей и брата. Когда стала сиротой. Сирены пробуждают животный, физиологический отклик в теле, отделенный от разума. Она не в состоянии это контролировать. Как врач, Лили знает, что травма живет в теле человека и тело хранит ее, даже если разум отказывается помнить произошедшее. Даже если событие полностью вытеснено в бессознательное.

Отчасти потому Лили и стала психологом – ей не понаслышке известно, сколь губительные долгосрочные эффекты может оказать на ребенка травма и как шокирующие события могут сформировать подростка и взрослого человека. Цель ее жизни – помогать другим справляться с ментальными проблемами, доказывать, что ужасные события прошлого не обязательно разрушают нас безвозвратно. Ее задача – каждый час, день, неделю, месяц, год – показывать снова и снова, что человек *способен* сделать выбор и изменить рассказ, переписать шаблоны истории. Что человек не обязательно определяет прошлое. И генетика тоже. Люди *могут* меняться.

Это ее призвание. Ее цель. Каждому нужна цель.

Лили снова смотрит на сарай. На этот раз Таррин следит за ее взглядом. Лили видит, что пациентка тоже прислушивается к сиренам. К ним присоединяются новые. Воющий, неровный хор становится все громче. Стук наверху. Сквозь стены слышно, как Том зовет их дочь, Фиби. У Лили бешено колотится сердце. Ей становится жарко. Взгляд снова падает на часы на стене. До конца сеанса лишь несколько минут. Нужно разгадать причину.

– Таррин, можем... мы, хм... вернуться к тому, о чем ты упомянула раньше? К новой протее твоего тренера?

Она тяжело вздыхает.

– Вы имеете в виду новую девушку с «самым большим потенциалом»? – она изображает очередные кавычки. – Теперь это Салли-Энн.

Сирены звучат уже очень громко. Судя по звуку, машины движутся по их улице. У Лили перехватывает дыхание. По коже ползут мурашки. Она едва способна думать.

– Значит... Чтобы обладать большим потенциалом для олимпиады, нужно быть красивой?

– Что?

– Ты сказала, она моложе и красивее.

– Идите к черту.

Лили моргает. Сирены становятся еще громче.

– Кроме того, тренер такого не говорил. Это Салли-Энн передала мне его слова. И, возможно, она лжет. Думаю, она в него влюблена. И это гребаное идиотство. Как вообще можно влюбиться в тренера и думать, что это поможет тебе попасть в команду мирового уровня?

Сирены кричат прямо возле дома. Красно-синие огни внезапно мелькают за жалюзи узкого окна, которое выходит на улицу, и их отблески пульсируют на стенах и потолке офиса Лили. Она поднимается со стула и спешит к окну. Раздвинув шторы, она видит, что две полицейские машины останавливаются прямо возле их дома. Сирены смолкают. Распахиваются двери. Три офицера в форме выходят под дождь. Но огни продолжают мелькать в тишине. Лили слышит, как Том зовет Мэттью.

– Кстати, тренер женат, и его не интересуют малолетки, – говорит Таррин и подходит к Лили, чтобы посмотреть в окно.

У Лили ускоряется пульс. Она не может сосредоточиться. Она слышит, как открывается передняя дверь их дома.

– Впрочем, брак не играет никакой роли, – продолжает Таррин. – Я видела тренера с женщиной, которая явно не его жена и определенно не малолетка. Он целовал ее за спортивным центром.

Лили видит, как Том спешит навстречу копам. На нем оранжевый дождевик – а не, как обычно, красный – и штаны для бега со светоотражающими полосками. Волосы промокли насквозь и прилипли к голове. Кроссовки покрыты черной грязью.

– Господи, это ваш *муж*? – спрашивает Таррин. – И что здесь делает полиция?

Мэттью

Сейчас

Мэттью Брэдли слышит стук деревянной калитки во дворе. Он думает, это ветер.

Все еще в пижаме, он встает коленями на кровать и выглядывает в мансардное окно своей комнаты на чердаке. Весь чердак – его личное пространство. Его сторожевая башня. Мансардные окна выходят на три стороны – на задний двор, на улицу перед домом и в боковой переулок, где у матери есть два парковочных места для пациентов. Он король своей крепости. Все видит и все записывает. Сейчас лето, и завтра будет солнцестояние – самый длинный день в году, – но этим ненастным утром темно, словно сейчас зима. Стоит густой туман, и дождь льет стенами. Вода струится по маленьким окошкам. Когда он выглядывает наружу, то видит, как с тополя отламывается ветка. Она летит вниз, ударяется о бельевую веревку и падает на траву.

И тут он замечает отца, идущего по лужайке к сараю.

Сердце мальчика начинает биться быстрее. Он наклоняется ближе к окну. На его папе непромокаемые штаны для бега со светоотражающими полосками, но голова не прикрыта, и волосы промокли насквозь. На нем нет дождевика. Мэттью точно видел, что утром папа уходил в дождевике и с фонариком. Он видел, как луч фонаря движется по улице сквозь туман, и думал, это очень круто – как его отец мчится навстречу буре. Белая папина футболка для бега промокла насквозь и прилипает к коже.

Возле двери сарая срабатывает датчик движения, и загорается свет. Теперь Мэттью видит отца яснее. Тот пытается открыть дверь и бросает взгляд через плечо. Похоже, он... нервничает?

Мэттью придвигается поближе к окну, прижимаясь носом к стеклу. Спереди на футболке отца виднеется больше темное пятно. Грязь? Может, он упал. Его отец исчезает в сарае. За ним захлопывается дверь. Включается свет.

Мэттью хмурится. Богатое воображение работает вовсю. Пятно на футболке отца кажется скорее красным, чем коричневым. *Как кровь.*

Он слезает с кровати и спешит к письменному столу. Рывком выдвигает ящик, хватая видеокамеру. Мэттью мог бы сделать фотографии на телефон, но однажды он станет известным репортером. Журналистом-расследователем. Или детективом. Или полицейским под прикрытием. Или одним из тех офицеров, что носят белый защитный костюм с капюшоном, как в телевизоре, и делают снимки на местах преступлений. Ему всего восемь, и большинство детей в школе считают его странным, но он любит наблюдать за людьми, когда они об этом не знают. И фотографировать других детей, когда они думают, что их никто не видит. *Беспристрастный.* Новое слово. Он узнал его от мистера Коди, который живет в конце улицы рядом с лесом, отца Фионы и Джейкоба. Мистер Коди тоже наблюдатель и фотограф, но мистер Коди наблюдает за птицами. Он сказал, на фотографиях Мэттью виден «настоящий талант». Что это «прекрасные беспристрастные снимки», и объяснил значение слова. А еще он научил Мэттью умным приемам. Мэттью делает беспристрастные снимки взрослых в своем квартале и распечатывает некоторые на принтере, на фотобумаге, которую мама купила ему в «Волмарте». А еще он составил папки с разными заголовками, например ЗАДНИЕ ДВОРЫ. ОБИТАТЕЛИ БАССЕЙНА. ЛЮДИ НА ПЛЯЖЕ. КРИКЕТНЫЙ КЛУБ. СЦЕНЫ НА ЯХТЕ. ЖИЗНЬ В ТОРГОВОМ ЦЕНТРЕ.

Он называет их «материалы дела». В его коллекции есть молодые девушки в купальниках. Целующиеся влюбленные. Люди, роющиеся в мусорных баках на улицах на восходе, или

гуляющие с собаками, или спорящие. Или сидящие в машинах. Иногда он подкрадывается прямо к домам и заглядывает в окна. Если на улице уже темнеет, можно довольно четко рассмотреть, что происходит внутри – словно маленькие сценки. Он видит старика, который каждый день засыпает в кресле с бутылкой виски. И даму, которая вяжет, пока ее кошки спят на спинке дивана. И стильную пару в новом доме, где много стекла, – они любят подавать красивые напитки многочисленным и очень интересным на вид гостям. И мам, которые занимаются йогой, пока за ними наблюдают их малыши. И даму из соседнего квартала, которая прячет бутылки от алкоголя в странных местах. И отца, который встречается с чужой матерью в парке. И детей из школы, которые пьют, курят и целуются на поляне глубоко в лесу или в пещере на пляже Гротто.

У Мэттью в голове – целая карта района, его обитателей и их занятий. Иногда он выбирает определенную цель и преследует ее неделю или больше. Исследование. Для таких людей он заводит специальные дела, записывает, когда и чем они занимаются. Их привычки. Особенности. Прямо как мистер Коди, который проводит исследования, наблюдая за птицами, или другой ученый – за куницами. Мэттью словно наблюдает за Стори-Коув для журнала «Нешнл географик» – благополучный район, таящий секреты. Он – прорицатель и хранитель этих секретов в своей крепостной башне на крыше фамильного дома Брэдли.

Обычно Мэттью никому не рассказывает об увиденном. Он предпочитает хранить информацию, заперев ее в голове. Но само знание позволяет чувствовать себя особенным. Словно он обладает суперсилой. Словно входит в лигу секретных супергероев, летающих над Стори-Коув и наблюдающих за происходящим. Иногда он делится особенно сочными деталями с Харви Хиллом – чемпионом по шахматам и его единственным настоящим другом. Кроме того, мать убила бы Мэттью, если бы узнала, что он фотографирует и ее пациентов, когда они приходят и уходят из ее кабинета внизу. Про человека-тень он маме и папе тоже не рассказывал. Человек-тень иногда наблюдает за домом Брэдли по ночам из теней с другой стороны улицы. Человек-тень высокий, одет во все черное и носит маску на лице под велосипедным шлемом. У человека-тени есть велосипед со светоотражающей полоской на раме, и он не знает, что Мэттью шпионит за ним в ответ из темного окна чердака.

Мэттью делает снимок силуэта отца в светящемся окне сарая. Он прицеливается и делает новый снимок, когда отец снимает мокрую, запачканную футболку. Мэттью нажимает на кнопку, запечатлев отца с голой грудью. Отец скрывается из виду. Внимание Мэттью переключается на улицу с другой стороны забора. Там припаркована серебряная машина, у нее включен двигатель. Внутри кто-то есть. Еще на траве горит квадрат света из кабинета его мамы – видимо, у нее ранний пациент. Наверное, кто-то ждет пациента в серебряной машине.

Внезапно папа выходит из сарая и спешит без футболки сквозь дождь к кухонной двери.

Внизу хлопает дверь. На мгновение становится тихо. Мэттью замирает и опускает камеру. Он чувствует легкий страх, хотя сам не может объяснить почему. И слышит, как папа топает по ступеням.

– Фиби! – гремит его голос по второму этажу. – Вставай, пора в школу!

В комнате родителей хлопает дверь. Бежит вода.

Мэттью слышит вдалеке вой сирен.

– Мэттью! – кричит ему отец. – Пора одеваться!

Отец с грохотом спускается вниз.

Сирены становятся громче. Они приближаются. Что-то происходит. Внезапно Мэттью видит снаружи красно-синие огни. Он спешит к переднему окну, выходящему на Оак-Энд.

Две полицейские машины, черная и белая, с включенными мигалками, резко останавливаются возле дома Мэттью. Он направляет фотоаппарат в окно, снимает, *клик-клик-клик*, как три офицера в форме вылезают наружу.

Приезжает еще одна машина – «коричневый металлик». У нее тоже есть мигалки. Но внутри, вдоль окон, не сверху. Машина без опознавательных знаков. *Машина-призрак!* Мэттью крайне взволнован. Она останавливается на другой стороне улицы, под кривой вишней, где обычно скрывается человек-тень.

Он видит, как отец спешит к офицерам в форме. Теперь на нем дождевик.

Внезапно из дома выбегает его мать.

Она хватается отца за руку. Он поворачивается к ней. Что-то говорит, и она прижимает руку ко рту. Она выглядит испуганной. У отца очень, очень бледное лицо. Один из офицеров прикасается к руке мамы и, похоже, просит ее отойти.

Мэттью медленно опускает фотоаппарат.

Случилось что-то ужасное.

Лили

Сейчас

Накинув куртку, Лили выбегает под дождь.

Женщина в черном пальто вылезает из машины без опознавательных знаков, стоящей на другой стороне улицы, пока трое полицейских в форме подходят к Тому.

Лили подбегает к мужу, берет его за руку.

– Что происходит?

Он поворачивается к ней. Белый как мел. Ее сердце сжимается от страха.

– Том? – шепчет она, бросая нервный взгляд на офицеров. Их лица серьезны. Она сжимает руку сильнее. – Том, какого черта происходит?

Он опускает голову и тихо говорит ей на ухо:

– На пляже тело женщины. Я нашел ее, когда бегал.

– *Что?* – переспрашивает она.

Прежде чем Том успевает что-то ответить, один из полицейских прикасается к руке Лили.

– Мэм, не могли бы вы отойти?

– Зачем? Что вообще происходит?

А потом она видит, на что смотрит офицер – красное пятно на шее у Тома. Кровь? И еще пятна, на руках. У нее перехватывает дыхание.

Офицер в форме спрашивает:

– Сэр, это вы позвонили в 911?

Том приглаживает мокрые волосы дрожащей рукой.

– Да. Я Том Брэдли. Я... Я пошел на пробежку, очень рано, по тропе, которая начинается в конце нашего тупика, там, – он показывает на дорогу. – Она идет по парку Спирит Форест. Я пробежал сквозь лес к утесам Гарри и вышел на смотровую площадку, чтобы перевести дух, и тогда... тогда я... увидел тело, на пляже Гротто, и ее ноги были почти в воде.

Лили бросает взгляд в сторону лесной тропы, куда указывает Том. Сирены молчат, но огни по-прежнему пульсируют в утреннем тумане. Дождь заканчивается. На другой стороне улицы собираются собачники, из домов выходят соседи, другие выплядывают в окна. Женщина в черном пальто подходит к Лили и Тому. У нее темная кожа, удивительно худое лицо и полные губы. На ней военные ботинки и черная полицейская фуражка. Кудрявые черные волосы собраны в строгий пучок на затылке. Взгляд под длинными накладными ресницами – темный и нечитаемый.

Лили уже видела эту запоминающуюся темнокожую женщину по телевизору. Это детектив из отдела по расследованию убийств, проводившая брифинги для прессы о трех смертельных случаях сексуального насилия над бегуньями – одну убили на тропе вдоль озера Эльк-Лейк в прошлом году, а двух других зверски забили до смерти на тропе Гус-Трэйл год назад. Все нападения произошли на полуострове Саанич, все – в пределах двадцати минут езды от близлежащего города Виктория. СМИ окрестило их атаками Убийцы Бегуний. Лили не может вымолвить ни слова.

Детектив бросает беглый взгляд на Лили и поворачивается к Тому.

– Детектив Руланди Дюваль, – представляется она. – Это вы позвонили в 911?

– Да, я... я только что сказал другим офицерам. Я Том Брэдли. Доктор Том Брэдли. Это моя жена, Лили.

Лили ожидает, что детектив протянет ей руку, но та держит обе ладони в карманах пальто, сосредоточив внимание на Томе.

– Я нашел тело рано утром, когда пошел бегать. Она на пляже Гротто.

– Вы бежали? На пляже Гротто?

У нее хриловатый, спокойный, сдержанный голос. Черты ее лица ничего не выдают.

Лили чувствует прилив чистого страха. Какой-то бред. Невозможно *бегать* по пляжу Гротто. Это узкая полоска камней размером с теннисный мяч, скользких от водорослей и острых от раковин, с выброшенными на берег палками и огромными бревнами. Пляж Гротто находится под отвесными скалами из песчаника. Во время прилива он едва виден. Единственный путь на пляж – с обрыва, по крутой шаткой лестнице из дерева и металла.

– Я бежал по лесу вдоль скал, а когда остановился на обрыве перевести дыхание, то увидел ее внизу, на пляже, – говорит Том. Он бросает взгляд на Лили. – Она... она просто лежала и не двигалась, странно выгнув конечности. Казалось, она упала со скалы. И там были... Вокруг прыгали вороны. Поэтому я спустился по лестнице, и...

Он начинает плакать.

Эрудированный, изысканный муж Лили, ее академик, плачет под дождем на их передней лужайке. Ее наполняют ужас, отвращение, недоумение. Внезапно она осознает, что на них смотрят люди, что соседи лицезреют их с Томом в таком виде. Она замечает серебряный седан на углу, где их улица соединяется с Оак-Энд. Это мать Таррин. Член городского совета Вирджиния Уингейт, которая работает на мэра. Она пристально наблюдает за ними из-за лобового стекла. Вирджиния уже давно стоит здесь и ждет дочь. Она должна была видеть, как Том зашел к ним во двор через заднюю калитку и, возможно, без куртки. Возможно, она заметила пятна крови.

Лили снова переводит взгляд на Тома. Теперь он в оранжевой куртке. Чистой, свежей куртке, которую он обычно не носит, потому что ему не нравится цвет.

Детектив Дюваль окидывает взглядом улицу. Она смотрит на стену леса, на высокие деревья, качающиеся на ветру. Потом медленно поворачивается к дому Брэдли.

– А потом вы побежали домой, сюда, – это не вопрос. Скорее наблюдение. – И позвонили 911. Отсюда.

– Я... Бога ради, – выдавливает Том. – Как вы можете стоять здесь и задавать мне вопросы, когда она лежит там? И ее клюют, едят вороны, падальщики!

– Следователь и криминалисты уже в пути, сэр, – говорит детектив. – Мой напарник тоже направляется к месту, – она кивает подбородком на дом. – Вы живете здесь?

Он вытирает рот. Лили не может оторвать взгляда от пятен крови на руках мужа.

– Да. Я... У меня не было с собой телефона. Обычно я беру его на пробежку, но прошлым вечером поставил заряжаться на кухне. Обычно я заряжаю его возле кровати, и поскольку он был в другом месте, я... Я его забыл.

Фиби открывает входную дверь.

– Мама? – кричит она с порога.

Лили слышит в голосе ребенка панику.

– Иди в дом, Фиби – вопит она.

– Что происходит?

– Немедленно!

Детектив Дюваль разглядывает двенадцатилетнюю дочь Брэдли с розовыми волосами и ярко накрашенными глазами. Лили видит, как взгляд полицейской снова перемещается на их красивый исторический дом, а потом – на бронзовую табличку у входа с надписью «Оак Три Терапи, Л. Брэдли, к. н.». Лили видит, как эта сотрудница полиции из отдела убийств с непроницаемым лицом и в армейских ботинках смотрит вверх, на окна чердака. И у нее внутри все сжимается, когда она замечает в окне маленькое белое личико Мэттью, наблюдающего за

происходящим на их лужайке. Страх Лили пронзает горячий гнев, и он быстро разгорается в защитную ярость.

Ее дорогие дети. Красивый дом. Идеальная жизнь. Она чувствует, как все это сползает и крошится, как те скалы из песчаника у моря. К горлу поднимается желчь. Она хочет убежать. Но одновременно хочет остаться на месте, врасти каблуками в землю и все остановить – исправить. Защищать свою семью и жизнь до смерти. Потому что больше у нее ничего нет. Больше она ничего не знает.

А еще она боится, что полиция узнает о вчерашнем вечере.

Детектив говорит Тому – медленно, словно она тупая и не поняла с первого раза:

– Значит, вы бежали от скал через лес, на эту улицу и через ту парадную дверь?

– Нет. Я... Зашел сзади. Через калитку в переулке.

– В том переулке? – она показывает туда, где по-прежнему стоит седан Вирджинии Уингейт.

Какого черта она здесь торчит? Проклятый стервятник-вуайерист. Все они падальщики. Стоят вокруг и глазуют, жадно высматривая сплетни, чтобы схватить их и разнести по всему городу за какой-нибудь час.

– Да, в том переулке, – отвечает Том.

– Не самой короткой дорогой?

– Парадная дверь была заперта, – говорит Том. – Я не беру на пробежку ключи и оставляю открытой заднюю дверь. Дверь кухни.

– Значит, вы забежали в переулок, зашли через калитку на задний двор своего дома...

Во сколько это было?

– А по звонку в 911 определить нельзя? – от раздражения у Тома приливает к щекам кровь. Он выпрямляется, расправляет плечи. Готовый обороняться. Сражаться.

– Как *вы сами* думаете, во сколько вы зашли в дом и совершили звонок? – уточняет детектив Дюваль.

– Господи, – бормочет он. – Не знаю. Какая разница? Там, на пляже, мертвая женщина.

– Это связано с Убийцей Бегуний? – быстро спрашивает Лили, пытаясь увести беседу от ее семьи.

Детектив смотрит Лили в глаза.

Она сглатывает.

– Я... Я видела вас по телевизору, – говорит Лили. – Бегунии – вы расследуете это дело, верно? Вас поэтому позвали? Потому что снова напали на бегунью? На этот раз на пляже Гротто?

– Знаете что, – говорит детектив Дюваль Тому, игнорируя Лили, – а проведите-ка нас обратно по тропе. Вы сможете показать, где бежали, где вышли к скалам, где стояли на смотровой площадке и как впервые увидели тело. А потом шаг за шагом расскажете нам, что сделали дальше. Хорошо?

– Да, да, ладно, – отвечает Том. – Хорошо.

Лили говорит:

– Сейчас, только возьму...

– Вы должны остаться здесь, миссис Брэдли, – говорит детектив Дюваль.

– Доктор Брэдли, – поправляет Лили.

Детектив Дюваль не отвечает.

У Лили в ушах пульсирует кровь, пока она наблюдает, как ее муж уходит со следователем по убийствам и двумя полицейскими в униформе. Третий возвращается в машину. Он говорит по рации с открытой дверью, выставив наружу одну ногу. Вокруг клубится туман, размывая все, будто происходящее – лишь плод ее воображения.

Какая-то женщина перебегает улицу и спешит к Лили. Это Ханна Коди, подруга Лили, которая живет в самом конце тупика.

Ханна подходит к Лили.

– О господи. Что произошло? Я слышала, на пляже тело. Ее нашел Том? Все...

– Это детектив, который расследует дело Убийцы Бегуний, – отвечает Лили монотонным, будто бы чужим голосом.

Ханна смотрит на нее с изумлением.

– Они думают, это связано с теми *изнасилованиями*?

– Я... Я не знаю, – глаза Лили наполняются слезами. – Я не знаю, что думать, – мягко говорит она.

Ханна поворачивается и смотрит, как Том и полицейские исчезают в лесу.

– Кто это? Кто умер?

– Не знаю.

Ханна бросает взгляд на Лили.

– Это точно убийство, – мягко говорит она. – Иначе зачем присылать следователя из отдела убийств?

Ру

Сейчас

Холодный ветер дует с моря, когда детектив Руланди Дюваль пробирается по камням к телу.

Два фургона журналистов уже припарковались на утесах Гарри, за периметром желтой ленты, хлопающей на ветру. Этим стервятникам много времени не нужно. Они за милю чувствуют жертву. Чуть поодаль собралась небольшая толпа местных жителей, наблюдающих, как криминалисты в белых костюмах движутся сквозь туман, словно призраки, обыскивая пляж в поисках улики.

Патологоанатом Фарид Гамал уже склонился над покойной, измеряя температуру печени. Когда останавливается сердце, тело начинает остывать с определенной скоростью. Хотя температура и движение воздуха, одежда, масса тела, дождь и поза оказывают определенное влияние, посмертное охлаждение помогает определить время смерти, и Фарид этим пользуется.

Полицейский фотограф уже сделал снимки умершей и окрестностей. Приблизившись, Ру видит, что на покойнице черные легинсы, темно-розовый дождевик и черные кроссовки с белыми галочками по бокам. Вода уже добралась до обуви – начинается прилив. Нужно поскорее ее убрать. Конечности погибшей лежат под странными углами. Как у сломанной куклы.

– Привет, – говорит Ру, подходя ближе.

Фарид поднимает взгляд. Ру бросает взгляд на голову. Ее передергивает от ужаса. Череп раскололся, как арбуз, обнажив блестящее розово-серое мозговое вещество. У умершей темно-каштановые волосы до плеч, мокрые и спутанные. Под ее головой сверкает лужа крови. Ее лицо искачено до неузнаваемости. Ру даже не может определить, есть ли в наполненных кровью глазницах глаза. Песчаные блохи и другие мелкие существа уже копошатся в открытых ранах. Возле головы лежит смятый красный дождевик. Он покрыт кровью. Лужа крови виднеется и под правым бедром. Легинсы порвались, обнажив глубокое отверстие в плоти. Чуть ниже виднеется раздробленная берцовая кость.

– Господи, – шепчет Ру.

– Многочисленные тупые травмы, – констатирует Фарид. – Как в автокатастрофах. Будет сложно определить, какое именно ранение вызвало смерть, – он смотрит на возвышающуюся над ними скалу, а потом снова на Ру. – Что ты здесь делаешь? Думаешь, она может быть жертвой Убийцы Бегуний?

– Сейчас уделяется повышенное внимание всем случаям, связанным с гибелью бегунов, – говорит она. – Когда в департаменте полиции узнали, что это женщина в одежде для бега, а ее возраст и обстоятельства смерти близки к другим жертвам, нам сразу же позвонили.

– Но у этой нет очевидных признаков сексуального насилия.

Ру снова бросает взгляд на умершую. Та в легинсах. Ключевое различие. Остальные были обнажены ниже талии.

– Что пока можешь сказать, док?

– Ну, это белая женщина. Как и остальные. Лет тридцати-сорока. Судя по трупному окоченению и пятнам, можно предположить, что смерть наступила восемь-двенадцать часов назад. Тупые травмы соответствуют падению с высоты этих скал.

Прикусив нижнюю губу, Ру рассматривает крошащиеся скалы из песчаника.

– Значит... она могла упасть оттуда... прошлым вечером или ночью?

– Да, я думаю, она пролежала здесь большую часть ночи, – он начинает собирать инструменты. – Я узнаю больше, когда она окажется на столе.

Фарид закрывает сумку и поднимается на ноги.

– Этот парень ее нашел? – спрашивает он, кивнув в сторону подножия лестницы, ведущей на скалы. Том Брэдли стоит там с напарником Ру, Тоши Харой. Брэдли укрыт серебристым одеялом, в какие заворачивают пострадавших.

– Да, – отвечает она.

– И это его красная куртка закрывала лицо умершей? – он кивает на пропитанную кровью вещь возле головы покойной.

– По его словам. Но он говорит, что увидел ее с обзорной площадки на скалах, спустился по этой лестнице, подошел, упал на колени на камни рядом с телом. А потом, как он рассказал, он поднял тело, вот так, – она показывает руками, – покачал его, пытаясь ее реанимировать, но потом понял, что она мертва.

Фарид поднимает бровь и смотрит на разбитую голову умершей.

– Он хотел реанимировать *это*? Каким образом? Сделать искусственное дыхание? Да при таких травмах вообще сложно понять, где там рот.

Она пожимает плечами.

– Он говорит, что снял куртку, покрыл ее лицо, чтобы защитить от дождя, и побежал домой звать на помощь.

Фарид пристально смотрит Ру в глаза. И тихо говорит:

– Остальных тоже накрывали.

– Лица остальных закрывали ветками и лесной грязью.

Он медленно кивает.

– Тем не менее накрывали.

– Док, пока что это скрытая улика. Не распространяйся.

– Похоже на что-то личное, – говорит он, снова глядя на лицо умершей. – Раскайание. Вину. Стыд за какой-то проступок. Так прятать ее лицо.

– Да, история Брэдли не сходится. Дашь знать, когда ты сможешь ею заняться? Я бы поприусловствовала.

– Конечно. Я позвоню.

– Спасибо.

– Считаю, что это свидание, – он ухмыляется. – Это единственный способ его с тобой устроить.

– Сколько раз мне придется повторять, что я счастлива в браке, доктор?

– Пока ситуация не изменится, – он хихикает и начинает пробираться по скользким камням к ступеням.

Ру становится не по себе, пока она наблюдает, как Фарид аккуратно шагает по пляжу. Ей пришлось работать усерднее многих – женщине, и к тому же темнокожей, – чтобы оказаться там, где она сейчас, и она держит частную жизнь в секрете. Никто не должен узнать о ее семейных проблемах. Но слова Фариды ее задевают. И задевают слишком сильно.

Над головой кричит чайка, и Ру снова поднимает взгляд на скалы. С мертвой ветки, торчащей из каменной стены, наблюдает ворон. Гораздо выше – над верхушками старых деревьев – кружит орел. Мать-природа, как и журналисты, знает о мертвеце.

Ру наклоняется, чтобы внимательнее разглядеть тело. Маленький сиреневый краб ползет по ее ботинку. С кепки капает вода. Камни на пляже стучат, перекатываясь из-за приливных волн.

Она мысленно оценивает одежду. Кроссовки известного бренда. Относительно новые. Примерно тридцать восьмой размер. Подошвы неровные – сделаны специально для бездорожья. В бороздках налипла черная грязь. Такого же цвета, как на лесной тропе, по которой их

привел Том Брэдли. Легинсы и куртка, похоже, водонепроницаемые – судя по капелькам на ткани, напоминающим слезы. На левом рукаве куртки логотип популярного бренда туристической одежды. Под курткой виднеется футболка. Взгляд Ру поднимается вверх по телу. На груди лежит цепь с серебряным медальоном. Рукой в перчатке Ру осторожно отодвигает в сторону окровавленные волосы, чтобы лучше разглядеть кулон. И открывает татуировку на шее – изображение мифического животного с головой льва, телом собаки или козла и хвостом с головой змеи на конце. Из рта льва исходят языки пламени. Странные, нелепые, несочетаемые части.

Внезапный проблеск на месте лица привлекает внимание Ру. Она слегка наклоняется вперед. И видит среди месива из плоти маленький кристалл. Серьга из носа? Но лицо слишком искачено, чтобы сказать наверняка.

Ру переключает внимание на руки погибшей. Окровавленные и израненные. Несколько пальцев явно сломаны. Изломанные ногти. Темная грязь под ними. Три серебряных кольца на левой руке. Не сдвигая рукавов, Ру видит восемь браслетов из белого металла на левом запястье. Некоторые погнулись. И еще часы – похоже, обычные, не электронные.

Ру собирается залезть в один из карманов куртки, когда замечает что-то зеленое в искривленных пальцах правой руки покойницы. Она наклоняется ближе, чтобы разглядеть. В ее пальцах запуталась порванная нить маленьких пластиковых бусин разных оттенков зеленого и оранжевого. Она кажется странно знакомой.

Она пытается осторожно извлечь бусы.

– Привет, босс.

Ру подпрыгивает и теряет равновесие. Она удерживается, схватившись рукой в перчатке за камень.

– Господи, Тоши, какого черта ты так подкрадываешься.

– Не хотел напугать, – он на мгновение умолкает, разглядывая тело. Потом прочищает горло. – Брэдли спрашивает, может ли он идти домой. Говорит, у него важная встреча в кампусе.

– В кампусе?

– Он профессор психологии в Кордельском университете.

Ру бросает взгляд на Тома Брэдли, по-прежнему стоящего возле лестницы и укрытого одеялом.

– Дрожит, как чертов лист, – говорит Тоши. – Он с раннего утра на улице, в сырости и холоде. Подозреваю, ему грозит переохлаждение, и, вероятно, он в шоке.

– Пусть кто-нибудь отвезет его в участок и даст выпить чего-нибудь теплого, – отвечает она. – Но сначала мне нужны его одежда и обувь. Я хочу, чтобы его сфотографировали. Я хочу, чтобы взяли образцы крови, в которой он испачкан. И, возможно, он согласится дать образцы ДНК, пока он в потрясенном состоянии. Если не возникнет явных признаков недомогания, удерживайте его. В ином случае отвезите в больницу и продолжайте следить там. Я хочу сама допросить его еще раз, на запись. Брэдли никак не мог увидеть тело с той точки, где он, по его утверждению, стоял на смотровой площадке. Оттуда не видно этого места. Плюс утром была плохая видимость.

– Да, с ним явно что-то нечисто.

– Надо его немного потомить.

Когда Тоши уходит к Тому Брэдли, Ру залезает в правый карман розовой куртки. Она достает маленький брелок. На кольцо висят три ключа. Один, похоже, от старого «Фольксвагена» – на металле четко виднеются буквы VW. Она переворачивает брелок. И ее пульс ускоряется при виде логотипа.

Таверна «Красный лев»... Старый английский паб рядом с бухтой Стори-Коув.

В голове Ру всплывает воспоминание. Темная, скользкая улица. Женщина выходит из паба с фасадом в стиле Тюдоров. Ветер треплет ее темные кудри до плеч.

Ее взгляд возвращается к пропитанным кровью волосам умершей.

Не может быть.

Но что-то подсказывает: *это она. Должна быть она. Как ты сразу не поняла?*

Пульс ускоряется.

Ру очень осторожно возвращает ключи в карман – в морге их определяют к уликам. Залезает в левый карман и достает помятый чек на бензин. Аккуратно разворачивает его. Бензин купили на заправке на центральной улице Стори-Коув и заплатили за него кредитной картой. Это поможет установить личность умершей и порядок ее действий. Кроме того, в левом кармане Ру находит бальзам для губ. И сложенную визитку.

Она расправляет карточку.

И видит сверху логотип Кордельского университета. А в середине – имя.

Том Брэдли (к. н.), кафедра психологии.

Тело наполняется энергией и облегчением. Она была знакома с Томом Брэдли? Теперь профессор под ее пристальным наблюдением.

И это никак не связано с личной жизнью Ру.

Лили

Сейчас

Дети Лили с побелевшими лицами сидят за кухонным столом. Они смотрят на нее. Она не может придумать, что им сказать. В голове проносятся слова, которые она вчера кричала Тому.

Как ты мог меня обмануть? Меня предать? Наш брак, вся наша жизнь построена на лжи.

Вчерашний день изменил все, во что верила Лили об отношениях с мужем, о своей жизни, о себе как о жене Тома. А теперь это.

Опустошенная, смятенная, она опирается на кухонную столешницу.

Ей отчаянно хочется убедить себя, что «это» пустяки. Том просто вышел на пробежку в шторм в 5:30 утра и нашел на пляже мертвую женщину. Потом он вернулся с пятнами крови на руках и шее. А теперь он просто показывает следователю, который расследует серийные убийства, где он нашел тело. Там, на пляже Гротто, лежит какая-то мертвая незнакомка. Они не знают этого человека... Внезапно она замечает грязные следы, ведущие по белому плиточному полу от двери кухни к лестнице и вверх по ступеням. Другие следы ведут от лестницы к передней двери. Он не переобулся, но пошел на второй этаж. За чистой курткой? Потому что Лили точно видела его в сарае без футболки и без привычной куртки.

Она даже не может начать исследовать вероятности, которые раскрываются, распахи-ваются сегодня у нее под ногами. Она медленно переводит взгляд на кухонную столешницу. Телефона Тома там нет.

Я... У меня не было с собой телефона. Обычно я беру его на пробежку, но прошлым вечером поставил заряжаться на кухне. Обычно я заряжаю его возле кровати, и, поскольку он был в другом месте, я... Я его забыл.

– Мама? – спрашивает Фиби. – Что происходит?

Лили прочищает горло и идет к холодильнику, избегая испытующих взглядов детей.

– Все будет хорошо. Ваш папа наткнулся на раненую женщину сегодня на утренней пробежке и позвонил в полицию. А теперь он помогает им ее найти.

– Она умерла? – уточняет Мэгтью.

У Лили внутри все сжимается.

– Нет – я... хм... Я не знаю. Полиция выяснит все, что нужно.

– Кто она? – интересуется Фиби.

Лили распахивает дверцу холодильника. Невидящим взглядом смотрит на содержимое.

– Милая, они пока не знают. А теперь вам пора закончить завтрак и идти чистить зубы.

Она вспоминает, как следователь Руланди Дюваль рассказывала по телевизору об Убийце Бегуний. Думает о мертвой женщине. Если ее убили, убийца все еще где-то там.

– Сегодня утром я сама отвезу вас в школу.

– Мне нравится автобус, – возражает Мэгтью.

– Поедете со мной. Не спорь.

Она лезет в холодильник за мясом и майонезом. Нужно собрать им обед. Рутину. Порядок. На этом держится вся жизнь Лили. Приверженность к привычкам защитит от ужасных событий и ее детей. Ее дети – ее мир. Ради их безопасности она готова на все. И она знает – Том тоже. Для Тома семейная стабильность всегда была превыше всего. Несмотря на то что она

узнала прошлым вечером. Пожалуй, это даже можно считать еще одним доказательством. Внезапно ее глаза наполняются слезами, пока она пытается собрать все необходимое для обедов.

Сосредоточься.

Один маленький шаг за другим, и она придет куда нужно. А пока нужно просто двигаться вперед, знакомые дела поддержат. Она часто говорит это пациентам в кризисе. Но Лили знает: решать чужие проблемы гораздо проще, чем свои собственные. Докопаться до тайн пациентов легче, чем сорвать покровы с собственных защитных механизмов. Она не хочет признаться даже самой себе, что скрывает ее фиксация на рутине и порядке.

Как сказал Карл Юнг, «человек делает всё возможное, сколь угодно абсурдное, лишь бы избежать встречи с собственной душой».

Лили знает от своих пациентов – и из собственного опыта, – что хотя нет ничего желаннее освобождения от страданий, при этом нет ничего страшнее утраты опоры.

– Мама? – повторяет Фиби. – Ты в порядке?

Она вытирает с лица слезу.

– Да. Конечно. Тебе сэндвичи с салями или с ветчиной?

Фиби хмурится.

– Я же *говорила*, уже тысячу раз, я теперь вегетарианка. В чем твоя проблема? Господи. Я словно со стеной общаюсь. Ты целыми днями слушаешь своих пациентов, но никогда не слышишь, что пытаюсь сказать тебе я.

Лили охватывает вспышка гнева. Она достает банку органического арахисового масла и с грохотом опускает на гранитовую столешницу. Пытается открыть крышку. В масле нет сахара, и оно не гомогенизировано, а потому расслаивается в противную липкую массу. Поэтому она ненавидит делать сэндвичи с арахисовым маслом. Сначала нужно его размешать, и оно разливается. Она берет хлеб и принимается на автомате готовить сэндвичи.

– Как думаешь, это кто-то из наших знакомых? – спрашивает Мэттью с набитым ртом, зачерпывая ложкой хлопья из миски.

– Думаю, нет, – Лили намазывает масло на хлеб.

– Но это *может* быть кто-то из Стори-Коув, – говорит Фиби. – И вообще, больше шансов, что это кто-то из нашего района, чем прибежавший откуда-то еще. Здесь многие любят бегать по утрам. Кто из наших знакомых любит бегать по...

– Можете уже доесть? – перебивает их Лили, накладывая арахисовое масло на хлеб. – Нам нужно двигаться. Мы опоздаем.

– А как можно опаздывать или нарушать распорядок, пока твой отец ведет по лесу полицию в поисках тела, да, мам? Не приведи бог.

Лили посылает дочери горячий взгляд. Фиби отвечает тем же. Ее глаза обведены черным лайнером. Она любит темно-сиреневые тени, из-за которых глаза выглядят как дыры в голове. Темно-розовые волосы свисают на лицо, белое от ненавистной Лили пудры. В голове у Лили возникает старое воспоминание. Другая девочка. Черный макияж. Выкрашенные в черный волосы. Готическая одежда. У нее леденеют руки. На мгновение она не может думать. Звуки отдаляются. Горло сжимает страх.

– Почему папа ушел бегать с обычным фонариком, а не с налобным? – спрашивает Мэттью.

Лили резко приходит в себя.

– Что?

– Сегодня рано утром я видел, как он выходил из дома с фонариком в руке. А еще на нем были куртка и кепка, но домой он вернулся без куртки, кепки и фонарика.

– Ты уверен?

– Да, – Мэттью запихивает в рот последнюю ложку хлопьев. У него по подбородку течет молоко – он жует и болтает одновременно.

- Папа зашел в сарай, а потом вышел оттуда без футболки.
- Что? Папа вышел на улицу без футболки? – уточняет Фиби. – Под дождь?
- Мэттью кивает, вытирает рот и отталкивает миску.
- Какая-то ерунда, – недоумевает Фиби. – Зачем ему так делать?
- Разумеется, ерунда, – хрипло говорит Лили.

Она осторожно кладет на готовый сэндвич кусок хлеба, проверяя, чтобы у них идеально совпали края. Сосредоточившись на сэндвиче в руках, она разрезает его посередине и спрашивает у сына, очень тихо:

- Ты ведь не фотографировал, правда?
- Мэттью колеблется.
- Я... гм... нет.
- Ты уверен?

Он снова медлит, но прежде, чем он успевает ответить, раздается дверной звонок – словно удар гонга. Все молча поднимают взгляды.

- Наверное, снова копы, – шепчет Мэттью.

Лили хватает кухонное полотенце и спешит к двери, вытирая с пальцев арахисовое масло. Она открывает дверь.

- Ханна! Я... думала, это...
- Привет, милая. Том уже вернулся? Он в порядке?
- Он... в норме. Слушай, Ханна, я немного спешу. Нужно собрать детей в школу.
- Ой, я как раз зашла предложить их подвезти. Я везу Фиону и Джейкоба.

Ханна жестом указывает на «Мерседес» возле входа, где сидят двое ее детей. Лили замечает, что одна из полицейских машин припаркована на противоположной стороне улицы. Внутри полицейский, наблюдающий за их домом.

– Я подумала, это лучше, чем отправлять их на автобус, когда... Ну знаешь, – она наклоняется вперед и понижает голос до едва слышного шепота. – Когда рядом может ходить сексуальный маньяк-убийца.

– Мы пока ничего не знаем, Ханна. Возможно, это просто ужасная случайность. И спасибо за предложение. Ты мне очень поможешь, – она оборачивается и зовет: – Фиби! Мэттью! Ханна вас отвезет. Идите, чистите зубы. Берите вещи.

Когда дети Лили с топотом убегают по лестнице, Ханна спрашивает:

- Том знает, кто это?

У Лили перехватывает дыхание. Не в силах вымолвить ни слова, она качает головой. И в тот же момент замечает телефон на столике в коридоре, под зеркалом. На нем красное пятно – Том брал его в руки, чтобы позвонить в 911. Ей становится дурно. Скорее бы Ханна забрала детей и уехала.

Как только они уходят, она закрывает дверь, прислоняется к ней и делает глубокий, неровный вдох. Ей становится легче. Немного.

Часы в коридоре начинают бить, и наружу выскакивает кукушка. *Ку-ку!*

У Лили едва не останавливается сердце. Пульс резко ускоряется. Она ругается, потом выглядывает из-за шторы на улицу. Ханна уехала. Коп еще на месте. Лили уверена, что с его места не видно задний двор дома.

Она хватается ботинки, спешит наружу и идет к сараю. Срабатывает датчик движения, и над дверью загорается лампочка. Лили снова подпрыгивает, а потом бросает нерешительный взгляд в сторону дома. Наверху – окно Мэттью. Оно выходит прямо на дверь сарая.

Дверь не заперта. Лили открывает ее, медленно заходит и тянется к выключателю. Зажигается свет. Дверь медленно закрывается у нее за спиной.

Прохладный запах влажной земли наполняет ее ноздри.

Она осматривает интерьер. Все аккуратно. В порядке. Как и все остальное в их жизни. Садовые инструменты развешены на крючках в порядке уменьшения. Мешки земли и глиняные горшки расставлены на полках. Под окном стоит верстак. Под другим верстаком, вдоль задней стены, выстроились контейнеры для хранения. Лили вспоминает силуэт Тома в освещенном окне и как он уходил в глубину сарая. Она выдвигает контейнер.

Там лежит шланг.

В следующем – мотки проволоки для помидоров.

Лили выдвигает третий контейнер и задерживает дыхание.

Внутри – белая футболка мужа для бега. Она подарила ему эту футболку на прошлое Рождество. На спине – большой круглый логотип. Рубашка смята в мокрый комок. Ее передняя часть пропитана... *кровью*.

Том

Сейчас

Вспышка мелькает ему в лицо. Том моргает. Он совершенно обессилен. Замерз. Его трясет.

– Сэр, пожалуйста, можете повернуться? – просит коп в униформе.

Том медленно поворачивается к полицейскому спиной. Теперь перед ним следователь, сидящий на стуле. Детектив Тоши Хара. Третий полицейский стоит рядом с Томом и держит бумажные пакеты для улик.

– Вытяните руки вдоль тела, пожалуйста, – говорит полицейский с камерой.

Он вытягивает руки.

Щелчок. Вспышка.

Резкие ритмы звука и света терзают его мозг. Эти полицейские заставляют его чувствовать себя преступником. Он не способен четко мыслить. В голове возникают слова Лили.

Как ты мог меня обмануть? Меня предать?

– Я просто пошел на пробежку, – говорит Том. Он не узнает собственный голос. Все кажется нереальным, словно он встал на рассвете и вышел за дверь в ураган параллельной реальности. Или, может, ураган начался четыре месяца назад. Или пятнадцать лет назад, когда он только что положил глаз на Лили. Но, если подумать как следует, разбушевавшийся вокруг них ураган начался тридцать три года назад.

Может быть, он проснется. И все снова станет нормально.

Но Том знает: ничего уже не станет нормальным. И, похоже, никогда не было. Нормальность – лишь концепция. История, которую люди рассказывают сами себе. Этим занимаются все: изображают какую-то концепцию нормальности. Рассказанные самим же себе истории – единственная известная людям реальность. Тому прекрасно это известно. Как и его жене-психологу.

– Сэр, пожалуйста, снова повернитесь ко мне лицом, – говорит полицейский с камерой.

Том поворачивается к фотографу.

– Можете протянуть ко мне руки – ладонями вверх?

Том подчиняется.

Щелчок. Вспышка.

– Ладонями вниз, пожалуйста.

Щелчок. Вспышка.

Том разглядывает пятна крови на своей коже. *Ее крови.*

– Можете, пожалуйста, снять куртку и футболку? – просит полицейский с камерой.

Том снимает куртку. Третий полицейский открывает большой бумажный пакет для улик. Том бросает туда куртку, потом снимает футболку. Чистую, которую он надел на втором этаже. Том бросает футболку в еще один бумажный пакет. Все тело бьет дрожь. Стучат зубы. Он сам не знает, от холода или от шока. Наверное, все вместе.

Щелчок. Вспышка.

– Повернитесь.

Он снова смотрит на следователя Тоши Хару.

Щелчок. Вспышка.

Хара сидит молча и внимательно наблюдает. Его лицо невозмутимо. Непроницаемый коп. Ни грамма жира. Стройный и подтянутый. Густые и блестящие темные волосы идеально

подстрижены. Бледная кожа – гладкая и безупречная. На нем белая рубашка и темно-бордовый галстук. Брюки сидят по фигуре, ботинки из светлой кожи. Стильный. Не похож на прожженного, растрепанного следователя из телесериала. Сложно сказать, сколько ему лет. Возможно, около тридцати. Том представляет, как следователь Хара ведет холостяцкую жизнь в высокотехнологичной дизайнерской квартире. Маленькой и слишком дорогой для его зарплаты. Том предполагает, что у Тоши Хары есть амбиции и планы. И, наверное, он встречается с потрясающими женщинами.

Щелчок. Вспышка.

– Можете опустить подбородок, чтобы было лучше видно шею?

Том опускает подбородок. Камера придвигается ближе. *Щелчок. Вспышка.* Полицейский делает дополнительные снимки глубоких царапин от ногтей на его шее. И пятна крови с другой стороны.

– Снимите, пожалуйста, ботинки и штаны.

Том напрягается. Бросает взгляд на детектива Хару. Мужчина кивает.

– Я ведь не обязан это делать, – говорит Том, – верно?

– Вы прикасались к телу, – отвечает Хара. – Вы сказали, что взяли ее на руки. Вот так, – он изображает покачивания, которые Том до этого показывал копам.

– Да, но...

– Сэр, поэтому нам нужна ваша одежда. Нам нужно понять, что случилось с умершей, которую вы нашли. Какие-то улики могли переместиться на вас. То, что поможет нам найти виновного. Вы бы этого хотели, разве нет?

– Вы... вы не думаете, что это был несчастный случай?

– Мы рассматриваем все варианты.

Том чувствует себя в ловушке. Внезапно его одолевает клаустрофобия. Он бросает взгляд на дверь.

– Мы дадим вам сухие вещи, как только закончим, – говорит Хара. – И найдем попить что-нибудь горячее. Хорошо?

– Мне нужно позвонить.

– Хорошо, ладно. Без проблем. Но сначала, пожалуйста, отдайте нам штаны, нижнее белье, носки и обувь, – говорит Хара.

Том смотрит на него, лихорадочно соображая.

– Нижнее белье?

– Будьте добры.

Том сглатывает. Если он откажется, то будет выглядеть виноватым. Невинный человек точно будет готов на все, чтобы помочь полиции.

Том снимает кроссовки. Их убирают в коричневый пакет. Следом отправляются носки. Потом он спускает черные водонепроницаемые штаны для бега со светоотражающими полосками. Выбирается из них. Полицейский с бумажными пакетами протягивает руку в перчатке, чтобы их забрать.

Том глубоко вздыхает и снимает трусы. Полицейский протягивает еще один пакет.

Том стоит, прикрывая руками пах. Он никогда в жизни не чувствовал себя таким беззащитным, таким... изнасилованным, как теперь, стоя голым и дрожащим под резким флуоресцентным светом перед тремя полностью одетыми мужчинами, двое из которых вооружены. Мужчи́нами, имеющими власть лишить его свободы, запереть.

Полицейский с пакетами для улик подходит к столу. Он записывает имя Тома на каждом пакете, вместе с временем, датой и описанием содержимого.

Хара встает. Он гораздо ниже Тома, но излучает уверенность.

– Осталось только взять образцы крови на вашей шее и руках, хорошо? – Хара натягивает синие латексные перчатки и достает с полки набор. Вскрывает его.

Том закрывает глаза, пока Хара снимает палочкой кровь. Детектив запечатывает палочки в контейнеры и протягивает их парню с уликами, который их подписывает. После этого Хара протягивает Тому флисовые штаны и кофту синего цвета. Том предполагает, что эту одежду выдают подозреваемым перед транспортировкой в следственную тюрьму.

– Простите, но обуви у нас нет. Придется довольствоваться этим, – Хара выдает Тому пару бахил.

Том упирается в них взглядом.

– Ой, и еще вот что, – говорит Хара. – Можно взять у вас образец ДНК?

– Что?

– Образец ДНК. Это легко, нужно просто провести палочкой по внутренней стороне щеки. Это поможет нам исключить ваше ДНК, оставленное на месте преступления.

Том смотрит на Хару. У него ускоряется пульс. Он чувствует приступ ужаса. Его загнали в угол. Он пытается сглотнуть, но ничего не выходит. Если он откажется, то усилит подозрения. Это может усложнить его положение. Он думает, зачем вообще отправился утром на пробежку. Думает о произошедшем вчера, о ссоре с Лили. Думает о случившемся на барбекю у Коди и прочищает горло.

– Конечно.

Хара надевает новую пару перчаток и достает с полки другой набор. Открывает его.

– Садитесь.

Том садится на предложенный стул.

– Сэр, можете открыть рот?

Том открывает рот.

– Немного шире.

Он подчиняется. Хара сует палочку ему в рот и трет ею по щеке. Это физическое вторжение – мужская рука в перчатке и палочка двигаются у него во рту.

Хара убирает палочку, кладет ее в контейнер, запечатывает и протягивает полицейскому с уликами, который снова записывает имя Тома и время. Потом он уходит, унося с собой ДНК Тома, образцы крови и коричневые пакеты с одеждой и кроссовками. Фотограф тоже уходит.

Хара улыбается и показывает рукой на открытую дверь.

– Теперь, если хотите, можете позвонить.

– Я... Я не взял с собой телефон, – говорит Том.

– Мы дадим вам телефон. Сэр, пожалуйста, сюда.

Том следует за Харой в белый кабинет без окон. Внутри – журнальный столик перед маленьким диваном, кресло и стул на колесах. Том бросает взгляд на потолок. Из угла за ним наблюдает камера.

– Ждите здесь, пожалуйста, – Хара закрывает дверь.

Тому кажется, что его сейчас вырвет.

Ру

Сейчас

С окутанных дымкой старых хвойных деревьев капает вода, когда Ру медленно возвращается по тропе сквозь парк Спирит Форест. По дороге она внимательно рассматривает землю. Отовсюду падают капли, и ботинки скользят по грязи. Место происшествия огородили, и криминалисты работают на скале, под которой было обнаружено тело женщины.

Вокруг возвышаются исполинские деревья. Они окружают узкую тропу, словно арки собора, приглушая свет. Снизу густо растут ягодные кустарники и перевозданные на вид папоротники, и заманиха с маленькими острыми иголками.

– Сюда, – зовет криминалист, ждущий Ру на тропе. Когда она подходит к нему, он показывает на поломанные и помятые кустарники прямо возле дорожки.

– Следы, уходящие с тропы, соответствуют кроссовкам «Найк» тридцать восьмого размера, как у жертвы, – говорит он, осторожно обводя Ру, чтобы она не наступила на отпечатки, – они уходят в лес, сюда, – он показывает палкой на углубления в земле, Ру движется следом. – Субъект в «Найках», похоже, крайне беспорядочно двигался к краю скалы, а потом направился туда, – он показывает палкой на помятую и сломанную листву. На сломанных веточках сверкают капли свежего сока.

– Только одни следы? – уточняет Ру.

– Три вида.

Она резко поднимает взгляд.

– *Три?*

– Пойдем, я покажу. Осторожнее, иди точно за мной.

– Все уже пометили, сфотографировали?

– Да. И сделали слепки следов.

Он ведет Ру дальше в глубь густой поросли и показывает на другие следы в черной грязи. Ру садится на корточки и рассматривает отпечаток.

– Эти треугольники, – показывает она, – углубления от подошв женских беговых «Найков»?

– Точно. Уверен, образцы грязи с ее подошв совпадут с образцами отсюда и с края скалы. И есть другие следы – судя по всему, кто-то сошел с тропы и последовал за ней в кустарники. Видишь, вон там?

Ру подходит и отводит в сторону ветки кустов. Она рассматривает место, куда указывает криминалист.

– Вот очень четкий, – отмечает он. – С зигзагами на подошве. Сорок третий размер.

Ру вглядывается в отпечаток.

– Мужской? – спрашивает она.

– Явно кто-то крупнее и тяжелее обладателя «Найков». С более широкой стопой.

Ру думает о Томе Брэдли. Тоши заберет его обувь.

– Эти отпечатки с зигзагами периодически перекрывают отпечатки «Найков», а значит, тот, кто их оставил, ее преследовал. Судя по углублениям, она двигалась быстро, иногда бегом, падала, местами ползла на руках и коленях. А ее преследователь двигался более методично.

Жертва и охотник, думает Ру, разглядывая следы. Одна убегала, другой – или другая – не торопился.

– И все следы ведут к обрыву? – спрашивает она.

– Я покажу, – он ведет Ру глубже в лес. – Как я сказал, она свернула с тропы и передвигалась беспорядочным образом. Здесь она упала, – указывает он. – Она ползла на руках и коленях – видишь отпечатки ладоней под листьями? Следы от коленей? Потом снова побежала. Опять упала. А потом она заползла в эти заросли заманихи, – он показывает в сторону доисторических на вид растений с листьями размером с тарелку, почти полтора метра высотой. – *Oplopanax horridus*, – поясняет он. – Жуткая штука. В такие заросли лучше не попадать. Стебли и листья покрыты крошечными ломкими шипами, которые легко остаются в коже. Они ядовитые и могут вызывать сильную аллергию. Если здесь скрывалась твоя погибшая, ты обнаружишь эти шипы на теле и одежде.

– А где третьи следы? – спрашивает Ру.

Криминалист ведет ее ближе к обрыву.

– Третий вид следов появляется с северо-западного направления, они идут по малой природной тропе. Здесь их обладатель начинает преследовать обладателей двух других, а потом его следы идут параллельно с теми.

Ру снова опускается на корточки и изучает новые отпечатки.

– Кажется, тут ботинки.

– Да. Сорок второй размер. Тот, кто их оставил, появился спустя некоторое время после первых двух, – он ведет Ру к краю скалы. – Признаки борьбы – здесь, на земле. Сдвинутые камни. Кровавый след там, на палых листьях и цветах. И еще кровь вон там, – он смотрит ей в глаза. – А еще мы нашли налобный фонарик и кепку.

– Где?

Он подводит Ру к предметам, лежащим на каменистой земле прямо возле края скалы. Они помечены желтыми табличками для улик. Она наклоняется и рассматривает черную кепку. Над козырьком – желтый логотип Кордельского университета. Она вспоминает визитку в кармане погибшей.

Том Брэдли (к. н.), кафедра психологии.

Рядом с кепкой лежит фонарь фирмы «Петцль». Сине-белый, с резинкой тех же цветов.

– Думаю, мы сможем получить образцы ДНК с кепки и, возможно, с резинки от фонаря, – говорит криминалист. – И еще вот, – он указывает на еще одну табличку.

Ру подходит ближе. Там лежит несколько маленьких пластиковых бусин. Ярко-зеленые и оранжевые на черной земле. У нее внутри все сжимается, когда она вспоминает порванные бусы в искалеченных пальцах умершей.

Она кивает, глубоко вздыхает и встает на ноги. Подходит к краю скалы и осторожно выглядывает вниз. У нее захватывает дух. Она находится точно над телом. Взгляд Ру перемещается на океан. Над водой по-прежнему стоит густой туман. В ясные дни отсюда можно увидеть покрытые снегом горы Олимпик-Маунтинс. Ру медленно поворачивается и разглядывает стену леса за спиной.

Если женщина или ее преследователь надели этот фонарь, значит, было темно. И ненастно. И туманно.

Судя по отпечаткам и следам, кто-то преследовал погибшую – сначала в лесу, а потом у обрыва. И боролся с ней прямо возле края обрыва. Судя по крови, один из них был ранен, возможно, во время борьбы. А потом бегунья упала со скалы. Фонарик и кепка могли упасть, когда жертва отбивалась. И погибшая могла сорвать зелено-оранжевые бусы с преследователя, если учесть, что они запутались в ее пальцах.

Но что с третьим человеком?

– Нам нужен дрон, – говорит Ру и лезет в карман за телефоном. – Нужно исследовать поверхность скалы на предмет других улик, потерянных во время падения.

Она делает звонок.

Лили

Сейчас

Возможно, на футболке ее мужа *не* кровь, хотя в глубине души Лили знает: это точно кровь. По какой-то причине Том спрятал здесь футболку, прежде чем позвонить в полицию. А еще он обманул их насчет телефона.

И хотя Лили пытается признать ужасную реальность, ее мозг изо всех сил пытается найти другие объяснения. Не такие жуткие объяснения.

Человек делает всё возможное, сколь угодно абсурдное, лишь бы избежать встречи с собственной душой.

Снаружи дует ветер, гроыхая по жестяной крыше. Лили напрягается при мысли о Вирджинии Уингейт из городского совета, которая припарковалась в переулке возле их задней калитки, дожидаясь Таррин. Она думает о том, что видел сверху Мэттью. Она думает о полицейском в машине, наблюдающем за их домом.

Лили тянет к контейнеру руку, но останавливается. Отпечатки пальцев. Она не должна оставлять отпечатков на окровавленной футболке. Она оглядывает сарай. И видит свои садовые перчатки – желтые, с маленькими розовыми розочками. Натягивает их и достает из контейнера маленький пакет для мусора. Потом берет футболку Тома и осторожно бросает ее в пакет.

Что теперь? Что она вообще пытается сделать? Она слышит, как вдалеке начинает выть еще одна сирена. От паники перехватывает дыхание. Она поспешно снимает перчатки, бросает их в пакет с окровавленной футболкой мужа и открывает дверь сарая. Выглядывает, бросает взгляд на соседний дом. Из окон никто не смотрит. Лили спешно забегает домой через кухню.

Несколько мгновений стоит внутри и держит пакет, внезапно оцепенев.

Кто-то стучит в окно гостиной. Лили охает, поворачивается и бросает пакет. Он падает на пол и открывается, открывая взгляду окровавленную рубашку. Лили смотрит в окно – снаружи мужчина. Он снова бьет кулаком по стеклу и что-то говорит.

Спустя секунду Лили узнает своего пациента – Гарт Куинлан, пожарный, муж и отец троих детей. Гарт показывает на свои часы. *Черт*. Лили смотрит на свои. Он потеряла счет времени. И совершенно забыла о его сеансе.

Она жестом просит его подождать две секунды, наклоняется и запикивает окровавленную футболку обратно в пакет. Колеблется, но потом заталкивает пакет ногой под стол. Трет лицо, приглаживает волосы и идет открывать. Сердце колотится как бешеное.

– Я звонил вам в офис, – говорит Гарт. – И стучал. Но ответа не было. Попытался набрать по телефону, но попал на автоответчик. Тогда я вернулся в переулок к машине и увидел через забор свет в сарае, а потом вас – вы заходили в заднюю дверь, и решил подойти сюда.

У Лили в груди закипает гнев – еще одна защитная реакция. Гнев вытесняет страх, поэтому Лили хватается за него и пытается усилить. Он дает ей контроль. Она снова доктор Брэдли. А у доктора Брэдли есть правила. Пациентам *нельзя* вторгаться в ее личную жизнь. Ее семью. Эта часть дома – строго частная. Она с самого начала поясняет это каждому пациенту. Но всегда находятся один или два, кто пытается сдвинуть границы и по разным причинам проникнуть в ее личное пространство, кто пытается больше узнать о ней и ее семье. Гарту не следовало заходить к ней домой, и она ему об этом скажет.

– Простите, Гарт, – твердо говорит она. – Придется отменить сеанс. Случилось кое-что ужасно важное. Чрезвычайная ситуация. И, пожалуйста, больше никогда не заходите через этот вход.

Он пристально на нее смотрит. Станным взглядом. И тихо спрашивает:

– Что за ситуация?

– Семейная ситуация. Мне правда жаль. Простите, пожалуйста. Я позвоню и назначу новую встречу, как только...

– Это кровь?

– Что?

– Кровь.

– Г-где?

– У вас на руках и у вас на лице.

Лили опускает взгляд на свои руки. И в ужасе видит красное на пальцах. Видимо, она испачкалась, когда запихивала футболку обратно в пакет. И стоило заморачиваться с перчатками?

– И на лице тоже.

Лили вспоминает, как терла лицо и заглаживала волосы.

– Кто-то ранен? – спрашивает Гарт. – В этом дело?

В коридоре звонит стационарный телефон.

– Я могу чем-нибудь помочь? – предлагает он.

Телефон звонит опять и опять. Еще два гудка, и сработает автоответчик.

– Мне... Мне нужно идти. Я вам позвоню.

Лили захлопывает дверь прямо у Гарта перед носом и бежит к телефону. Она хватается трубку на последнем гудке. И в ту же секунду замечает собственное отражение в зеркале коридора – пятно крови на щеке и на пальцах, держащих трубку. *Крови погибшей женщины.* На мгновение у нее пропадает дар речи.

– Лили? – голос Тома приводит ее в чувство.

– Боже, Том. Где ты? Что происходит?

– Лили, я... Я в участке. Мне нужно...

– Участке? *Каком* участке?

– Полицейском участке. В городе.

Она смотрит в зеркало на собственное бледное лицо с кровавым пятном от футболки мужа, лежащей в пакете под обеденным столом.

– Лили?

– Да, – тихо отвечает она.

– У меня просьба. Ты слушаешь? Мне нужна Диана. Свяжись с Дианой.

– Дианой?

– Дианой Клайстер.

Ее подруга Диана. Дорогой и известный адвокат по уголовным делам. Она ведь недавно вспоминала Диану? Да, когда Таррин напомнила Лили, что ее отец – партнер в юридической фирме, где работает Диана. «Хаммерсмит, Уингейт и Клайстер».

Воспоминания переносят ее в прошлое – она недавно встречалась с Дианой в баре отеля «Оушен Бэй». Там Лили получила странную записку и была вынуждена признаться Диане, что кто-то ее преследует, за ней следит, а Диана решила, будто Лили сошла с ума.

– Лили, ты там – ты меня слышишь?

Лили кажется, что ее мозг погрузили в густой сироп. Он не в состоянии работать.

– Тебе... нужен уголовный адвокат? – хрипло уточняет она.

– Ради бога, да, Лили. Полиция подозревает, что я связан со смертью той женщины. Они запихнули меня в комнату для допросов и забрали всю одежду. Это начинает выглядеть странно. Мне нужно проконсультироваться. И пожалуйста, привези мне одежду.

Лили смотрит на обеденный стол и лежащий под ним пакет с футболкой Тома.

– Они забрали твою одежду?

– Да.

– Зачем? В смысле... Разве это не несчастный случай?

– Я... Не могу говорить. Здесь камеры, и телефон не мой. Просто позови сюда Диану и привези мне сменные вещи.

– Кто – кто она, Том? *Кого* ты нашел на пляже?

Связь обрывается.

Лили

Сейчас

Лили звонит Диане. Пока идут гудки, она рассматривает семейные фотографии, развешенные в рамках по коридору. Ее любимая – красивый снимок их четверых в Арубе: они смеются в солнечном свете на белоснежном пляже, а за спиной бирюзовое море. На другом снимке Лили и Том в глэмпинге в Клейоквот Саунд, празднуют годовщину свадьбы. Они улыбаются и обнимают друг друга. На еще одной фотографии – они вчетвером на сафари в Ботсване. Ее сделал их гид в тот день, когда они увидели трех животных из «большой пятерки» Африки – носорога с малышом, стадо слонов и леопарда с добычей на дереве.

– Офис Дианы Клайстер, чем могу помочь?

Лили возвращается в реальность.

– Я... Гм, Диана на месте?

– Сейчас мисс Клайстер нет, вы хотите передать...

Лили бросает трубку. И набирает непослушными пальцами другой номер – мобильный Дианы. Продолжая разглядывать фотографии, слушает гудки. Еще один снимок из их африканского путешествия. Она, Том, Мэттью и Фиби ждут лодку, собираясь отправиться в акулий тур в Квазулу-Натал.

– Лили? – раздается голос Дианы.

– Привет. Я... Гм... Я...

– Лили? Ты в порядке?

– Судя по звуку, ты на громкой связи, – говорит Лили. – Кто-нибудь еще слушает?

– Я веду машину. Я одна. Что происходит? Ты странно разговариваешь.

Она зажмуривает глаза.

– Нам нужна твоя помощь. Том... О, господи, – у нее срывается голос. – Даже не знаю, как сказать. Даже не знаю, что произошло.

– Так, слушай, я съезжаю с дороги. Я останавливаюсь. – Лили слышит, как паркуется Диана. – Давай, не торопись. Я внимательно тебя слушаю. Просто расскажи, как получится.

Лили сглатывает, вытирает рот, потом вспоминает про кровь на руках. Бросает взгляд на отражение в зеркале. Ее наполняет ужас. Теперь у нее на губах – кровь погибшей. Дикий, остекленевший взгляд. Волосы растрепались, промокнув под дождем. Эта женщина совсем на нее не похожа. Ведь она – мать, жена, психолог – та, чьей уравновешенности завидуют подруги, кто всегда в идеальной форме вне зависимости от ситуации. Та, у кого нет скелетов в шкафу.

– Лили?

– Том в полицейском участке. Его допрашивают насчет... Насчет погибшего человека. Сегодня утром он нашел на пляже тело бегуни, и следователи собираются его допросить. Они забрали его одежду, Диана. Ему нужна консультация. Срочно. Ты сможешь нам помочь?

Тяжелая пауза. Потом вопрос:

– Какой участок?

– В городе. Главный. Диана, – Лили медлит, и реальность тяжелым, холодным камнем падает ей на сердце. – Там полицейская, офицер, которую я видела по телевизору. Следователь отдела убийств. Которая занимается убийствами бегуний.

– Сержант Руланди Дюваль?

– Да.

– Слушай меня внимательно – ты слушаешь, Лили, ты сосредоточена?

У Дианы изменился тон. Теперь подруга Лили разговаривает резко. Воплощенная властная эффективность. Словно совершенно другая женщина.

– Да-да, я слушаю.

– Не рассказывай ничего. Вообще. Никому. Поняла? Никому.

Она кивает.

– Хорошо.

– Повтори, что я сказала.

– Я не должна ничего рассказывать. Никому.

– Помни это. Ради Тома. Ради тебя. И учти – ни Том, ни ты не обязаны отвечать на вопросы полиции. Это ваше законное право.

– Он ни в чем не виноват, Диана.

– Виноват или нет, если его допрашивают следователи по уголовным делам, если они забрали у него одежду, это не лучшим образом скажется на его репутации. Нам нужно сразу подумать о минимизации последствий, защитить его работу. И твою. И оградить Мэттью и Фиби.

Лили чувствует, как к горлу поднимается желчь.

– Во-первых, – твердо говорит Диана, – попроси кого-нибудь забрать детей из школы, и желательно того, у кого они смогут остаться и кто оградит их на некоторое время от новостей. Отмени все сегодняшние сеансы. Я поеду прямо в участок. А ты пока собери для Тома одежду. Что-нибудь элегантное, респектабельное. И приведи себя в приличный вид. Встретимся там, – она ненадолго умолкает, прежде чем продолжить: – Лили, что бы ни случилось, сейчас Том нуждается в тебе. Ты должна взять себя в руки – ради него и ради семьи.

– Но если Том не сделал ничего плохого...

– Его допрашивает выдающийся следователь, расследующий дело серийного убийцы, который жестоко насилует, а потом до смерти забивает девушек-бегуний. Просто прими это, Лили. Убийца Бегуний терроризирует женщин, которые теперь боятся выходить на пробежку в одиночку. А Руланди Дюваль – настоящий питбуль. Она – женщина с властной позицией в традиционно мужской среде, и ей нужно что-то доказывать. Вы с Томом тоже излучаете успех. Живете в Стори-Коув. У вас есть лодка. Она стоит в эксклюзивной гавани. Вы – члены загородного клуба. Том работает в университете с молодыми студентками. Ты работаешь с людьми, которые должны тебе доверять и хотят сохранить факт посещения психолога в тайне. Дюваль усложнит вам обоим жизнь просто потому, что может. И от публики снисхождения тоже ждать не стоит.

Лили вот-вот вырвет. Ей срочно нужно в ванную.

– И опять, Лили, повторяю еще раз: не разговаривай ни с кем, какими бы дружелюбными они ни казались, пока я не пойму, что происходит. Тогда мы выработаем стратегию.

Диана вешает трубку.

Ошарашенная Лили кладет телефон. Подходит к столу и берет пакет с окровавленной футболкой. Она сомневается. Вещь нужно куда-то убрать. А лучше постирать. Она спешит по коридору в комнату для стирки. Лили вытряхивает пакет в машинку с вертикальной загрузкой и поворачивает ручку. Барабан начинает заполняться водой. Лили добавляет средство для стирки. И смотрит на воду. Она окрашивается в розовый, когда садовые перчатки и футболка Тома начинают вращаться туда-сюда. А потом ей приходит в голову – что, если копы спросят, где футболка, в которой был Том?

Я просто отправила вещи в стирку, офицер.

Лили спешит вверх, на второй этаж, и собирает охапку грязных вещей из корзины в ванной. Бежит вниз и добавляет другую одежду в розовую мыльную воду. Закрывает крышку и смотрит на мусорный пакет, брошенный на пол.

Она поднимает его. Внутри осталась кровь. Куда его деть?

Что я делаю? Почему я вообще пытаюсь это спрятать?

Потому что это пытался спрятать ее муж.

И *должна* быть серьезная причина, если Том сначала спрятал футболку в сарай, а уже потом позвонил в 911. Когда она узнает причину, все прояснится. *Должно* проясниться. Она доверяет Тому – разве нет?

Лили снова вспоминает их ссору, и ей становится физически плохо.

Она не доверяет Тому.

Он обманул ее.

Он обманывал ее на протяжении всей их семейной жизни.

Но ведь Лили тоже, можно сказать, его обманывала. Или, скорее, похоронила собственные секреты так глубоко, что почти о них забыла. Словно они принадлежали кому-то еще. Не Лили Брэдли, матери двух чудесных детей. Но потом появился преследователь. И записки. И проблемы ее пациентов начали отражать ее собственные. Медленно, по чуть-чуть, Лили начала выходить из строя.

Она заходит со смятым пакетом на кухню и останавливается перед холодильником. Однажды она видела по телевизору, как в передаче про криминальные преступления женщина спрятала пакет с остатками человеческой крови в морозилку. Но сначала она положила туда сырое мясо.

Лили распахивает дверцу их огромного холодильника. Берет три пачки органической говядины. Вскрывает их, вываливает замороженные куски мяса в пакет, тщательно сворачивает его и убирает обратно в морозилку. Потом выбрасывает упаковку из-под говядины в мусорное ведро под раковиной. Она уже собирается подняться на второй этаж и переодеться, когда замечает краем глаза какое-то движение за окном.

Она резко поворачивается к окну, сжав кулаки. Но там ничего нет. Только ветки колыхаются на ветру. Несколько мгновений она стоит, оцепенев, глядя на ветки. Громкое тиканье часов с кукушкой – *тик, тик, тик* – проникает в голову. Очнувшись, она бежит вверх по лестнице. Включает душ, сбрасывает кремовый свитер и аккуратные, но свободные льняные брюки, кофту, нижнее белье и закалывает волосы. Встает под парящую струю горячей воды и оттирает кровь умершей женщины с рук и лица.

Лили вытирается и спешно одевается. Джинсы, белая футболка, мягкий розовый худи. Она аккуратно закалывает волосы и наносит блеск для губ.

Ты должна выглядеть так, будто контролируешь ситуацию. Ты контролируешь ситуацию.

Но смотрящая на нее из зеркала женщина со стеклянным взглядом мало похожа на Лили.

Она собирает пакет одежды для Тома и вспоминает кое о чем еще. О его телефоне.

Я поставил его на зарядку на кухне.

Она снимает с зарядки телефон Тома, лежащий с его стороны кровати, спускается на кухню и подключает его к проводу на столешнице, согласно рассказу мужа. Еще раз проходит по дому, берет сумочку. Сама мысль о посещении участка ужасна для Лили. Ей тяжело даются контакты с полицейскими – из-за детства. Да, она знает: полиция защищает мирных граждан. Охраняет такие районы, как у нее. Но правоохранительные органы неразрывно связаны с ужасными воспоминаниями о случившемся с ее семьей, и хотя Лили способна проанализировать глубинные страхи, хотя она разобралась с прошлым благодаря длительной терапии, она продолжает их испытывать. А теперь к этим страхам добавляется новый, растущий ужас – она боится вернуться во тьму своего прошлого.

Лили направляется в шкаф в прихожей, берет свой красивый дождевик и снова прислушивается к стиральной машинке, успокоительно гремящей в глубине коридора. Надевает плащ, берет ключи от машины и пакет с одеждой для мужа. Вдруг кто-то громко стучит в переднюю дверь, а потом раздается звонок. Лили замирает. Ее пульс ускоряется.

– Миссис Брэдли? Вы можете открыть? Это полиция. Пожалуйста, откройте.
Ее парализует слепая паника.

Как все началось

Тогда

20 апреля, среда

За два месяца до ее смерти.

Преследователь стоит в глубоких тенях под кривой вишней и наблюдает за домом через улицу, сжимая руками в перчатках ручки велосипеда. Темно. И холодно, несмотря на весну. По улицам ползет влажный туман с океана в нескольких кварталах оттуда, формируя зловещие ореолы вокруг фонарей. В сумках по бокам от руля лежат мокрый купальник, полотенце, кроссовки для бега. Дыхание преследователя клубами вырывается через дыры в балаклаве, надетой под шлемом. Капли влаги, словно бусины, скатываются с его водонепроницаемой одежды, сверкая отраженным светом.

Здесь безопасный район. Благополучный. Улицы с красивыми домами, и перед каждым зеленая лужайка. Перед некоторыми – деревянный штакетник. Перед другими нет заборов вообще. Старые деревья – магнолии, вишни, дубы – растут вдоль тротуаров. Стори-Коув². Романтическое название, напоминающее о мужчине, основавшем этот город в 1800-х, англичанине Саймоне Дж. Стори. И английские традиции по сей день живы здесь, чуть севернее американской границы. Британским духом веет от старомодных пабов, магазинчиков, где продают рыбу с картошкой и пироги, от вечернего чая с булочками и топлеными сливками в кафешках. Он слышен в стуке крикетных бит на лужайках загородного клуба «Виндзор», где местные мужчины играют еще и в регби, а на стоимость членства можно прокормить небольшую страну.

В нескольких кварталах фалы яхт позвякивают о мачты в красивой гавани. В Стори-Коув стоят садовые беседки и повсюду цветут розы, на соседнем поле для гольфа пасутся олени, дети по-прежнему смеются и играют на улицах, а еноты – единственные настоящие ночные бандиты, которые крадутся сквозь тьму, проверяя аккуратно отсортированный мусор его богатых обитателей.

Если учесть географию Стори-Коув – городок расположен на полуострове, выдающемся в Салишское море, – он вполне может считаться закрытым сообществом. У всякой шушеры нет причин сюда заходить. Те, кто приезжает в Стори-Коув, здесь живут. Или кому-то помогают. Поэтому преследователь заранее продумал, как смешаться с местными жителями.

Наблюдаемый дом принадлежит семье Брэдли. Ночью стены кажутся черными, но при дневном свете они баклажаново-фиолетовые, со свежей зеленой окантовкой вдоль карнизов. Медная табличка на воротах гласит: «Оак Три Терапи, Л. Брэдли, к. н.».

За несколько месяцев преследователь многое узнал о Брэдли. Во всех смыслах. Их жизнь – рутина. А значит, их действия предсказуемы. И это очень сильно упрощает задачу.

Преследователь знает, на какие занятия по йоге и пилатесу ходит доктор Лили Брэдли и куда. Какую выпечку она покупает и по каким дням. Где она стрижет и красит волосы. Кто ее подруги, сколько она весит, каким количеством углеводов пытается ограничиться ежедневно, кто из ее подруг пьет слишком много вина и как яростно она защищает своих детей. Преследо-

² Стори-Коув (Story Cove) – дословно «Бухта Историй» (англ.) (прим. переводчика).

ватель знает, какой органический сок предпочитает малыш Мэттью и как сильно он любит свой фотоаппарат. Преследователь знает, что Фиби предпочитает готический стиль одежды и что профессор Том Брэдли работает в университете и обычно выпивает лишнего в таверне «Красный лев» по пятницам, где он встречается с компанией профессоров в регулярные «счастливые часы». Иногда после этого Том Брэдли и его дружки отправляются в яхт-клуб и продолжают попойку на своих лодках.

Кажется, что у Тома и Лили идеальный брак. Образцовая семья в элитном городке Стори-Коув. Но это иллюзия.

Вся жизнь – иллюзия.

Люди не живут в красиво покрашенных исторических домах в приятных районах. Они не живут в современных многоэтажных домах, деревенских хижинах в лесу или ночлежках для бездомных под бетонными мостами. Люди живут в пятнадцати сантиметрах пространства между ушами – в полутора килограммах жира и белка, образующих человеческий мозг. Они живут в своих головах. Именно там обитает реальность.

Там каждый человек строит индивидуальную историю собственной жизни.

Там люди рассказывают себе, кто они такие, кем они могут быть и кем не могут. И реальность каждого человека никогда не совпадает ни с кем другим. Представление о единственной объективной истине – самое большое заблуждение.

А за историями всегда скрываются секреты. Глубокие, темные и первобытные. Они есть у каждого.

И чем пристальнее ты наблюдаешь за человеком, тем четче видишь, как старательно он скрывает темные секреты, которые им движут.

На первом этаже баклажанового дома еще не опущены жалюзи, и включенный свет отбрасывает в ночь ярко-золотой квадрат. Как освещенная сцена. Для единственного зрителя, что скрывается под вишневым деревом.

Обитатели явно чувствуют себя в безопасности, так открываясь. Но скоро это изменится.

Кто-то появляется в поле зрения на кухне. Преследователь напрягается. Это муж. Высокий. Темноволосый. В черных джинсах и черной водолазке. Как академично. Очень подходит профессору психологии, изучающему девиантные умы с высоты своей увитой плющом башни из слоновой кости. Привилегированный человек, рожденный в состоятельной семье. Богатство и происхождение могут защитить таких людей от платы за совершение ужасных, изощренных преступлений.

На профессоре Томе Брэдли кухонные рукавицы, он несет к обеденному столу горячую кастрюлю. Внезапно на сцену выходит его жена. Доктор Лили Брэдли. Безупречно причесанная блондинка. Красивая грудь. Подтянутые на дорогах занятиях с личным тренером бедра. Лили Брэдли ставит на стол бутылку вина. Муж достает штопор.

Вино открыто и налито. Жена берет бокал, что-то говорит. Он смеется. Она тоже смеется, отбросив назад светлые волосы и демонстрируя гладкую шею.

В животе преследователя образуется бусинка тоски. Кулаки непроизвольно сжимаются.

Она заключила выгодный брак. Ее муж на пятнадцать лет старше. Она его вторая жена. Он обеспечил ее деньгами.

Тоска в животе расцветает в яростную, горячую и опасную тоску. Она поднимается к сердцу. А вместе с необузданным, болезненным желанием приходит нечто более зловещее – потребность уничтожить то, что живет в баклажановом доме.

Преследователю нужно от семейства Брэдли всего лишь... Все.

Внезапно жена замирает. Смотрит в сторону окна. Преследователь напрягается. Жена говорит что-то мужу и подходит с бокалом вина к окну. Прикладывает свободную руку к стеклу и всматривается в ночь, глядя прямо на вишневое дерево. Наблюдатель камнеет, задержав дыхание. Доктор Лили Брэдли берет веревку и опускает жалюзи.

Шоу окончено.

Преследователь улыбается. Лили Брэдли почувствовала, что кто-то наблюдает, подкрадывается к ее жизни. Она ощутила легкий укол тревоги.

Игра началась. Пора переходить к следующему этапу.

Но когда преследователь залезает на велосипед, темноту разрезает вспышка желтого света. Взгляд преследователя взмывает к окну чердака. Шторы слегка приподняты, обнажая полосу света. *Мальчишка*.

Каждая мышца преследователя замирает, пока шторы не опускаются вновь и желтая полоска не исчезает.

Преследователь раздражен. Всегда есть трещина. Во всем. Именно так внутрь попадает свет. Или просачивается наружу тьма.

Преследователь ждет еще немного дольше. Становится холодно. Руки в перчатках на руле начинают неметь.

Дует легкий бриз. С изогнутых ветвей падают капли, вдалеке воют сирены «неотложки» – звук нарастает и стихает, когда автомобиль проезжает Стори-Коув по пути к какой-то трагедии.

Преследователь едет по улице – очередная темная фигура в шлеме в пригородной ночи.

Лили

Сейчас

Собравшись с силами, Лили открывает переднюю дверь, ожидая увидеть полицейского из машины, припаркованной напротив дома.

Но видит человека в костюме. Азиатских кровей. Привлекательного и безукоризненно одетого.

– Миссис Брэдли, я детектив Тоши Хара, – мужчина показывает Лили удостоверение. – Я из отдела убийств, работаю с детективом Руланди Дюваль – ее напарник. Вы вроде бы встречались с ней утром?

Лили бросает взгляд на полицейскую машину на той стороне улицы. И с ужасом замечает припаркованный за ней фургон журналистов. На его боку красуется большой красный логотип «СИТВ Ньюз». Словно крикливая, мигающая вывеска возле их дома. Напряжение в висках усиливается, когда она понимает, насколько заметно название ее частной практики на табличке рядом с дорогой. Оно появится на всех фотографиях их дома. Как и ее имя.

– Чем могу помочь?

Ее начинает трясти. Внезапно она понимает – здесь нечто гораздо большее, чем погибшая бегунья на пляже. История затронула ее детскую травму, заставив заново пережить случившееся в тот ужасный день, когда на пороге появились копы. Голова начинает гудеть.

Раздается грохот барабана стиральной машины. Детектив Хара заглядывает мимо Лили в коридор. Она перемещается в центр проема, чтобы закрыть обзор, и продолжает молчать, дожидаясь ответа на свой вопрос.

– Это ваша машинка? – спрашивает он. – Не хотите ее проверить?

– Она плохо работает. Надо починить. Все в порядке.

Он ее рассматривает.

– Чего вы хотите?

– Я хотел задать вам несколько вопросов. Насчет утра.

– Мой муж в участке, – отвечает она.

– Я хочу поговорить не с вашим мужем. А с вами. Всего несколько вопросов. Таков порядок. Я могу войти?

Шум от машинки усиливается.

– Я уже ухожу, – она вешает сумочку на плечо, берет пакет с одеждой для Тома и выходит на улицу, вынуждая Хару отступить. Потом уверенно закрывает и запирает дверь. – Мой муж, Том, попросил привезти ему одежду, поскольку вы забрали его вещи, и я как раз выезжаю, так что...

– Вы можете сказать, где были вчера, вплоть до сегодняшнего утра?

Она замирает.

– Я?

Его темные глаза пристально смотрят на нее. Он ждет. Лили бросает взгляд на фургон журналистов. Двери открываются. Девушка в юбке и мужчина с камерой вылезают наружу. Лили пронзает напряжение.

– Это тогда она – та женщина – погибла? Вчера?

Он ждет.

Репортер и оператор пересекают улицу. Лили лихорадочно соображает. Должно быть, полицейский задавал – или задаст – Тому те же вопросы. Ее показания не должны противоре-

чить Тому. Видимо, поэтому Дюваль и отправила сюда напарника – перерезать Лили путь и допросить ее, прежде чем она успеет поговорить с мужем, прежде чем они с Томом согласуют общую версию рассказа о прошедшем дне, подтверждающую их алиби.

Повторяю еще раз: не разговаривай ни с кем, какими бы дружескими они ни казались, пока я не пойму, что происходит.

– Простите, – Лили проталкивается мимо детектива Хара, когда на ее лужайку заходит репортер. – Наш адвокат – Диана Клайстер. Можете поговорить с ней.

Она спешит к своему «БМВ», припаркованному возле выезда. Нажимает на ходу кнопку, открывая машину.

Детектив Хара кричит ей вслед:

– Миссис Брэдли, она адвокат вашего мужа. Не ваш. Она будет работать на него, а не на вас.

Лили распахивает дверь машины и бросает внутрь сумки. Когда она залезает на водительское сиденье, к ней подбегает журналистка с микрофоном, и оператор начинает снимать.

– Доктор Брэдли! – кричит репортер. – Почему вашего мужа увезли в центральный участок? Почему его допрашивают в криминальном отделе?

Лили захлопывает дверь и заводит машину. За окном раздаются крики журналистки.

– Ваш муж знаком с жертвой, миссис Брэдли? Это связано с делами других бегуний?

Лили сжимает челюсти, крепко хватая руль, нажимает педаль газа и слишком быстро выезжает с подъездной дорожки. Она крутит руль, поворачивает на улицу, и шины с протяжным визгом ударяются об асфальт. Она нажимает на педаль газа и мчится по тихому тупику. И резко останавливается перед знаком STOP. Сердце колотится в груди. Под мышками выступает пот. Она тяжело дышит. В голове эхом раздается голос журналистки.

Ваш муж знаком с жертвой, миссис Брэдли? Это связано с делами других бегуний?

За ним эхом раздаются слова Дианы.

Винovat или нет, если его допрашивают следователи по уголовным делам... это не лучшим образом скажется на его репутации.

По дороге в участок Лили пытается понять, когда она впервые ощутила, что что-то идет не так. Ранней весной, когда она начала чувствовать – за ней следят.

А потом начались записки.

Лили

Тогда

24 апреля, воскресенье

Всего за два месяца до ее смерти.

– Ребята, пора! – кричит Лили у лестницы.

Сегодня воскресенье, и Лили везет детей на мессу в маленькую каменную церковь у воды. Они с Фиби и Мэттью посещают католическую церковь Богоматери Мира каждое воскресное утро. Раньше с ними ходил Том, но если Лили нуждается в религиозных традициях в качестве завершения недели и для внутреннего баланса, ее супруг отошел от организованной веры. По воскресеньям он предпочитает долгие пробежки. Говорит, спорт и свежий воздух – его храм, и всегда старается проложить маршрут по природной тропе: по лесу, или вдоль воды, или по одному из горных маршрутов.

Кроме того, посещения мессы помогают Лили хранить в сердце память о родителях и младшем брате. Когда Лили была маленькой, мама с папой водили в церковь ее и младшего брата. Как психолог, Лили ценит католическую традицию исповедания, хотя прекрасно знает: некоторые секреты невозможно рассказать местному священнику, который живет, закупается и занимается спортом в том же маленьком городке. Она знает и то, что некоторые пациенты хранят от нее секреты. Впрочем, у нее есть методы их вытягивать. Человеческое тело не слишком хорошо умеет скрывать тайны. Они вызывают ужасный стресс. Это утомляет. И провоцирует проблематичное поведение.

Копы тоже это знают. Когда виновный наконец сдается и признается, облегчение заметно физически. Преступники часто засыпают прямо в комнате для допросов, когда признаются в своих секретах.

Фиби и Мэттью с топотом спускаются по ступеням. В Лили просыпается гнев, когда она видит, во что одета дочь.

– Фиби, иди и переоденься.

– Зачем?

– В такой одежде идти на мессу нельзя.

– Потому что она черная? Готическая?

– Неподобающая. Давай иди скорее переоденься. Мы опоздаем.

Фиби стоит на своем, глядя на мать сердитыми глазами с черной подводкой, и напряжение в животе Лили пробуждает нечто гораздо более глубокое. Воспоминание о времени, когда ей самой было двенадцать, и ее мать отчитывала ее за внешний вид и выбор парня, и запрещала с ним видеться. Лили осторожно заставляет себя успокоиться. И тщательнее выбирать предметы для спора. Она знает, каким ужасом все может обернуться и какими хрупкими бывают девочки в этом возрасте – даже если у ребенка вроде бы все есть, хорошая атмосфера дома, любящие родители и друзья, и он преуспевает в школе. Пока внезапно все не становится плохо.

– Хорошо, – соглашается Лили. – Обсудим позже. Просто поехали.

– Я больше не хочу ездить в церковь, – говорит Фиби.

– Ты должна, – Мэттью усмехается. – Или Бог тебя накарает.

– *Покарает*, маленький идиот. И папа не ходит. Я спросила его почему, и он ответил – это не для него. Он сказал, я могу решать сама. И, честно говоря, мне кажется, мне больше подходит буддизм.

Лили прикусывает язык и медленно считает от пяти до одного.

– Обсудим все это, когда вернемся, ладно? Устроим семейную беседу вместе с папой. Хорошо?

Фиби вздыхает и идет к двери.

– Ладно, – бросает она через плечо.

Мэттью бежит за старшей сестрой. На Лили накатывает новое воспоминание. На мгновение она цепенеет. Воспоминания приходят все чаще. Возможно, дело в возрасте детей. Или просто во времени года.

Или в чем-то более зловещем.

Последние пару недель она начала чувствовать, что за ней следят. Ее преследуют. Сначала это было лишь ощущением, своего рода тревогой. Беспокойством. Потом она начала замечать движение в тених, когда выглядывала по ночам в окно. И кто-то точно преследовал ее по дороге в супермаркет и наблюдал на парковке, когда она выходила из спортзала. Парень на велосипеде, парень в балаклаве.

Еще она абсолютно уверена, что видела тот же силуэт на другой стороне улицы, когда ходила в салон на стрижку, а еще в тот день, когда они с Ханной пили кофе в кафе «Френч Бейкери», сидя за столиком на тротуаре.

Лили пытается прогнать эти мысли, пока едет в церковь. Сегодня прекрасная погода. На улицах цветут вишни. Розовые и белые лепестки покрывают машины и тротуары, словно весенний снег. Сады усыпаны цветами, и Мэттью замечает большого оленя на ярко-зеленом поле для гольфа.

После мессы они выходят из церкви навстречу освежающему бризу, и когда они приближаются к машине, Лили видит под щеткой на переднем стекле розовую бумажку.

Она открывает машину и запускает внутрь детей, а потом берет, как она предполагает, билет или какую-то рекламную листовку. Но при этом внезапно чувствует тревогу и крайне внимательно осматривает окрестности.

Она вытаскивает из-под щетки бумажку и оглядывается вокруг, всматриваясь в прохожан, проверяя, нет ли за ней слежки. Смотрит на мужчину, курящего сигарету под деревьями. Потом на женщину, которая вроде как пялится на нее, но быстро понимает, что та просто кого-то ждет. Лили сглатывает, разворачивает бумажку. И холодеет.

Там черным цветом напечатана фраза:

Тебе не скрыться от сатаны, если сатана в твоей голове.

Ру

Сейчас

Ру заходит в комнату для допросов со своей «коробкой для реквизита» и видит Тома Брэдли, ждущего ее на диване. На нем костюм полицейского департамента и бахилы, он бледен и беспокойно двигает пальцами.

– Здравствуйте, доктор Брэдли. Спасибо, что дождались.

Он не отвечает.

Она ставит коробку на журнальный столик и садится на офисный стул на колесиках. Смотрит на Тома. Позади нее на стене – пробковая доска. Камера наблюдения под потолком транслирует происходящее в комнату наблюдения, где ее начальник и другие члены команды наблюдают за происходящим и делают заметки. Она ожидает, что иногда кто-то из других следователей может постучать в дверь, вызвать ее из комнаты и предложить либо отказаться от определенной линии допроса, либо ее усилить, потому что, по их наблюдениям, она работает.

В комнате для допросов должно быть удобно. Последнее, что им нужно – оказаться в суде и услышать, как какой-нибудь адвокат заявляет присяжным, будто они плохо обращались с подозреваемым. Это может плохо закончиться. Все, что команда Ру делает сейчас, направлено на успешный судебный процесс в будущем. Хотя в идеале они хотели бы вообще обойтись без суда. Они предпочли бы чистосердечное признание.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает она. – Согрелись?

Том поднимает взгляд к камере. Потирает колено.

– У меня встреча. Мне нужно на работу.

– Надеюсь, мы быстро закончим, – она нажимает кнопку диктофона и ставит его на стол между ними. – Разговор записывается. Я сержант Руланди Дюваль. Беру интервью у Тома Брэдли, живущего по адресу: 2112 Оак-Энд, Стори-Коув.

Она объявляет дату и время.

– Я арестован? – уточняет Брэдли.

– Нет. Вы можете уйти и имеете право хранить молчание, но ваше содействие нас очень выручит, потому что погиб человек. Вы нашли его тело и лучше всех можете помочь нам понять, что случилось. Я могу называть вас Том?

Он сглатывает и кивает.

Ру достает из коробки папку, открывает ее, просматривает и спрашивает:

– Вы работаете в Кордельском университете?

– Да. Преподаю. На кафедре психологии. Моя специализация – нейро- и патопсихология.

Ру поджигает губы.

– Итак... тут такое дело, Том, – она откидывается на спинку стула, излучая безмятежность, словно в ее распоряжении все время мира. – Несколько деталей не совсем сходятся с вашей версией событий этого утра, и нам хотелось бы еще раз обговорить произошедшее, чтобы прояснить несколько вопросов.

Раздается резкий стук в дверь. Она распаивается, и появляется женщина.

У Ру ускоряется пульс, когда она узнает Диану Клайстер. Знаменитый адвокат по уголовным делам и медийная шлюха. Клайстер за сорок, у нее густые каштановые волосы до подбородка. На ней дизайнерский костюм и туфли на каблуках – вероятно, все это стоит дороже «Субару Аутбэка» Ру. Массивное золотое украшение на ее шее напоминает доспехи, и она несет кожаный чемодан, ради которого, вероятно, отдали жизнь крокодил или змея.

Доктор Брэдли не просто нанял адвоката, он выбрал одну из лучших и самых цепких криминальных акул в городе. Люди не нанимают адвокатов вроде Клайстер, когда им нечего скрывать. Ее гонорар сделает среднего человека банкротом или по крайней мере заставит выплачивать вторую ипотеку. Факт присутствия Клайстер привлекает острое внимание Ру и укрепляет ее видение Тома Брэдли в качестве ключевого подозреваемого. А ее команда не сомневается, что бегунья на пляже Гротто столкнулась с насилием.

– Миссис Клайстер, – говорит Ру.

– Сержант Дюваль, – говорит Клайстер, остановившись в дверях. – Я бы хотела переговорить со своим клиентом наедине.

Ру поднимает бровь и бросает взгляд на Брэдли.

– Мы только собирались пробежаться по показаниям Тома о сегодняшнем утре...

– Другими словами, что-нибудь выудить, – перебивает Клайстер.

– У нас возникли вопросы по поводу версии утренних событий от доктора Брэдли, – заявляет Ру.

– А что еще у вас есть?

– Найденная на месте случившегося кепка с логотипом Кордельского университета. И налобный фонарь. Следы погони и борьбы и следы крови на скале над местом нахождения погибшей, еще оператор дрона обнаружил второй фонарик, который зацепился за камень на отвесной скале, и темно-розовую беговую кепку, висящую на мертвой ветке на полпути вниз. А еще следы кроссовок на краю скалы. Такого же размера и бренда, как на вашем клиенте, – это уже подтвердили, – Ру ненадолго умолкает, а потом продолжает: – Плюс визитка с именем вашего клиента в кармане куртки погибшей. И ее кровь на его руках и шее. Залитая кровью куртка вашего клиента на месте преступления. И свидетель, который видел, как сегодня утром ваш клиент зашел к себе во двор в окровавленной футболке, которой на нем уже не было, когда мы приехали к нему домой по звонку в 911.

Клайстер даже не моргает. Но Том Брэдли на диване напрягается и округляет глаза.

Ру благодарит про себя Тоши, который успел взять у Брэдли образец ДНК – Клайстер никогда в жизни бы этого не позволила. А еще Ру отправила Тоши допросить жену прежде, чем у пары появится возможность договориться об историях или алиби.

– Вы обвиняете моего клиента? – спрашивает Клайстер.

– Нет. Мы...

– Пошли, Том, мы уходим, – говорит Клайстер, положив руку на дверную ручку.

– Но мне нужно спросить у вашего клиента, где он был вчера. Если бы рассказал о своих перемещениях со вчерашнего утра до момента нахождения тела...

– Ему больше нечего сказать. Том, пошли.

Брэдли поднимается на ноги.

– Вы узнаете погибшую, доктор Брэдли? – спрашивает Ру. – Знаете, кто она?

Том Брэдли пересекает комнату, подходит к своему адвокату. Ру видит: профессор хочет что-то сказать, объяснить, и мысленно проклиная Клайстер. Если бы Ру могла провести с ним наедине еще несколько минут, она бы что-то узнала. Она уверена.

– Почему вы прикрыли ее лицо, доктор Брэдли? – спрашивает Ру.

– Мы закончили, – говорит Клайстер.

Но когда Брэдли и Клайстер собираются уходить, им преграждает путь одна из сотрудниц и жестом подзывает Ру.

– Можно на одно слово, детектив?

– Это может подождать? – сухо спрашивает Ру.

– Там, у входа, ждет подросток. Джо Харпер. Говорит, у него пропала мать. Он живет с мамой в Стори-Коув. В Оак-Энд, прямо рядом с лесной тропой. Говорит, из дома исчезли кроссовки его матери, ее кепка, дождевик, телефон и налобный фонарь. В последний раз он

видел маму вчера на барбекю через улицу, и он слышал о теле на пляже. Он говорит, что знает нашедшего тело человека. Том Брэдли живет недалеко от них, и он с женой тоже был вчера на барбекю.

Ру резко бросает взгляд на Брэдли. Он белеет как полотно. И обменивается со своим консультантом многозначительным взглядом.

Прежде чем Ру успевает что-то сказать, Клайстер берет Брэдли за руку и говорит Ру:

– Было приятно снова вас увидеть, детектив.

Адвокат выдавливает фальшивую улыбку и уводит клиента по коридору, стуча дорогими туфлями.

Наблюдая, как акула юриспруденции и профессор уходят, она тихо спрашивает у сотрудницы:

– Как зовут мать подростка?

– Арвен Харпер. Она работала в «Красном льве».

Арвен

Тогда

6 мая, пятница

За шесть недель до ее смерти.

Арвен Харпер выкладывает третью карту таро на медную столешницу бара. Она делает быстрый расклад на три карты для Дез Парри, управляющей таверны «Красный лев», которая взяла Арвен на работу шесть дней назад.

Это карта «Смерть».

– Ну отлично, – говорит Дез, протирая бокал для пива. У них короткая передышка между обедом и «счастливым часом», и когда Дез заметила в сумочке Арвен колоду карт таро, то попросила новую официантку сделать расклад. – Это значит, я умру?

– Конечно, – Арвен поднимает взгляд и смотрит на Дез. Она медленно улыбается. – Все мы умираем. Просто некоторые – быстрее прочих.

– Ладно, – Дез ставит бокал на полку и берет еще один, – тогда что это значит?

– Карты нужно интерпретировать по отношению друг к другу, по отношению к тебе и в контексте конкретного вопроса, – объясняет Арвен. – Ты сказала, у тебя дилемма: ты не знаешь, вкладывать ли все сбережения в первый взнос за квартиру, ведь, с одной стороны, это обеспечит безопасное будущее, но, с другой стороны, тебя привяжет. Или ты можешь потратить деньги на путешествие по миру, но тогда тебе будет не на что опереться. Итак, – Арвен раздвигает три карты, и ее кольца блестят под светом ламп. Она стучит по первой карте. – Эта карта символизирует твой вопрос, текущую ситуацию. Вторая карта символизирует твои чувства, а третья говорит о последствиях.

Дез замирает.

– Мои последствия – смерть?

Арвен ухмыляется.

– Это неплохая карта. Она символизирует конец чего-то, крупную трансформацию, переход от одного круга к другому. *Необходимую* трансформацию. Знак, что пора отпустить ставшее ненужным. Или что впереди что-то новое, например брак, возможность для бизнеса, рождение ребенка, большой переезд – то, что вынудит отказаться от старого уклада, прежнего «я» и стать другим человеком. Но если карта выпадает в перевернутом виде, как сейчас, она может означать отсрочку, значительные затруднения в принятии или адаптации к необходимым переменам.

– А вторая карта – «Дурак» – то, что я чувствую насчет дилеммы?

– Дурак – часть тебя, которая беспечно идет по дороге жизни, несет свою ношу, словно узелок на палке, но не останавливается на раздумья, а просто движется по течению. Но Дурак в сочетании с первой картой, Солнцем, подсказывает мне, что сейчас ты ставишь под вопрос такое существование. Тебе хочется придать смысл своему жизненному пути. Солнце здесь символизирует триумф над жизненными обстоятельствами. Больше контроля.

Дез фыркает и берет очередной влажный бокал.

– Дешевые номера, Арвен. Дешевые номера. Фокус-покус. Практически все это я рассказала тебе сама.

Арвен смеется.

– Воспринимай это как психотерапию – у пациента всегда есть ответы на все вопросы. Карты, словно психолог, извлекают правду из твоего подсознания. Иногда таро даже используют в психотерапии.

– Психотерапия – последнее, куда я пойду.

В этот момент входная дверь распаивается. Арвен и Дез поднимают взгляды.

Заходят четверо мужчин. Один выше остальных, у него темные волосы с заметными серыми вкраплениями на висках. Симпатичный. Широкие плечи. Легкая спортивная развязность компенсируется элегантным шерстяным пальто, шарфом и кожаным ранцем на плече.

У Арвен в голове бьют колокола. *Джеспот. Бинго*. По коже пробегают мурашки восторга, когда мужчины разматывают шарфы и протягивают пальто официантке. Они направляются к большому круглому столу в нише с окнами возле камина.

Люди – существа привычки, и доктор психологии не исключение. Почти сразу за мужчинами заходит компания из шести женщин, громко смеясь и болтая. Почти все блондинки. Дорого одетые. Среднего возраста. Зашли выпить вина пятничным вечером, пока не вернулись домой их мужья и дети и не начались выходные.

– Представление начинается, – объявляет Дез, берет стопку меню и зовет бармена, доедающего поздний обед на кухне.

– Можно я возьму парней? – спрашивает Арвен, собирая карты таро. Браслеты на ее руках звенят при движениях.

– Профессоров Корделя?

– Это они?

– Пятничные завсегдатаи. Точные как часы. Высокий брюнет – Том Брэдли. Психология. Чуть ниже, с каштановыми волосами, Саймон Коди – философия. Парень с южноазиатской внешностью – Сандип Гунджал. Он преподает экономику. А худой, ужасно бледный лысеющий тип с большим лбом – Милтон Тиммонс, английская литература, – она смотрит на Арвен. – Ты уверена? Они не слишком щедры на чаевые. А вот эти дамы могут оставить очень много, если найти к ним подход.

– Я никогда не нахожу подход к таким дамам.

Дез ухмыляется, глядя на татуировку на шее Арвен, ее дикие кудряшки, обилие браслетов, длинную юбку и отмечая неприкрытую, кипучую сексуальность.

– Тебе же хуже.

Нет. Мне лучше, думает Арвен, берет из стопки четыре меню и направляется к компании мужчин.

– Добрый вечер, джентльмены. Меня зовут Арвен. Принести что-нибудь из напитков, пока вы смотрите меню?

Она улыбается, устанавливая зрительный контакт с каждым из них, пока раздает меню. И теперь, подобравшись ближе, досконально изучает каждого мужчину, оценивая перспективы, приглядываясь к обручальным кольцам – оно есть у каждого. Арвен замечает, что Саймон Коди занимается силовыми тренировками, тщеславен и мнит себя любимцем женщин. Его руки выглядят сильными. Глаза – зеленые и внимательные. А у Милтона Тиммонса взгляд печальный. У профессора английской литературы длинные, изящные пальцы, и из-за высокого лба он кажется интеллектуалом. У Сандипа Гунджала теплая аура и ясный, приветливый взгляд. И самый стильный наряд из всей компании. Том Брэдли болтает с друзьями и даже не смотрит на ее лицо, когда тянется за меню. Арвен удерживает папку, вынуждая его слегка потянуть. Он смотрит ей в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.